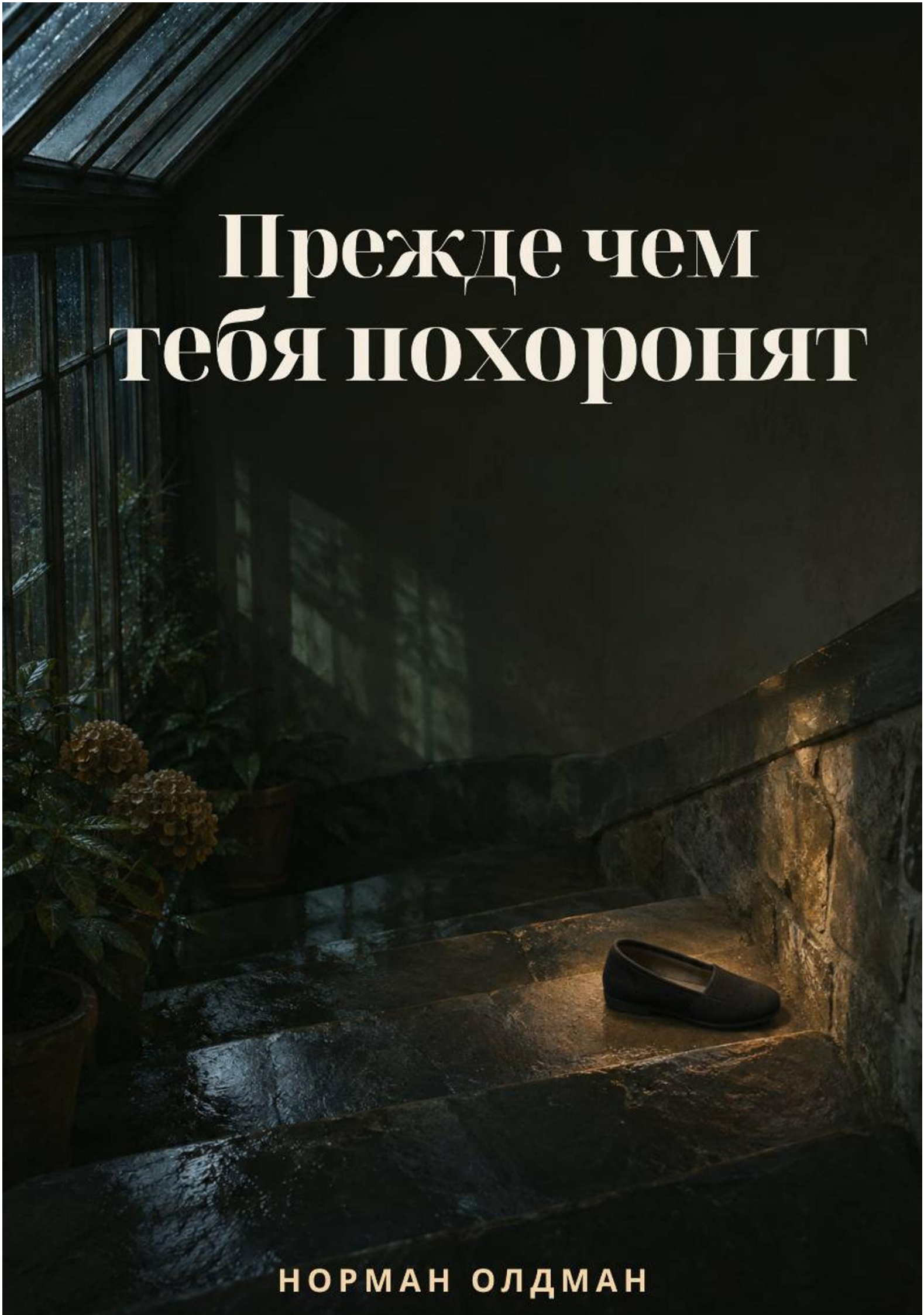

Прежде чем тебя похоронят
НОРМАН ОЛДМАН

Норман Олдман

Прежде чем тебя похоронят

«Автор»
2026

Олдман Н.

Прежде чем тебя похоронят / Н. Олдман — «Автор», 2026

Мара Эллисон организует прижизненные прощания. Вивиан Харроу собирает семерых гостей, чтобы услышать, что они сказали бы на её похоронах. Но вместо прощальной речи один из гостей читает письмо о давней смерти. Его автор, Тесс Дайер, писала только Вивиан и не давала разрешения читать письмо вслух.В ту же ночь Вивиан находят у двери нижнего сада. На третьей ступени стоит одна её туфля, как в письме. Кейс с записью исчезает. Пока следствие ищет аппаратуру, Маре приходится вернуться к старым показаниям и к фразе, которую она когда-то написала за свидетельницу. Двадцать лет эту фразу повторяли как слова другого человека.Потом Маре присылают приглашение на прощание. На этот раз на карточке её собственное имя.

© Олдман Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Право ответа 6
Глава 2. Нижний дом 12
Глава 3. Приглашённые 19
Глава 4. Голос отсутствующего 24
Глава 5. Без записи 29
Глава 6. Третья ступень 35
Глава 7. Отдельно 41
Глава 8. Чья фраза 46
Глава 9. Оригинал 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Норман Олдман
Прежде чем тебя похоронят

Прежде чем тебя похоронят
Норман Олдман
Оглавление
Глава 1. Право ответа
Глава 2. Нижний дом
Глава 3. Приглашённые
Глава 4. Голос отсутствующего
Глава 5. Без записи
Глава 6. Третья ступень
Глава 7. Отдельно
Глава 8. Чья фраза
Глава 9. Оригинал
Глава 10. Домашний голос
Глава 11. Услуга
Глава 12. Невостребованное
Глава 13. Слышала
Глава 14. Черновик
Глава 15. Имя покойной
Глава 16. Два заказа
Глава 17. Заранее
Глава 18. Полный файл
Глава 19. Чужая помощь
Глава 20. Человек у двери
Глава 21. Прайс
Глава 22. Не в эфире
Глава 23. Баланс
Глава 24. Вещи
Глава 25. Один кейс
Глава 26. Как было сказано
Глава 27. Последняя версия
Глава 28. Польза
Глава 29. Свидетель
Глава 30. После лестницы
Глава 31. Голос Селии
Глава 32. Без подписей
Глава 33. Цена
Глава 34. Роуз

Глава 1. Право ответа

— Я не стану говорить, что простила тебя, — сказала женщина у окна.

Её муж лежал на спине, сложив руки поверх серого пиджака. Услышав это, он поднял голову. Под шею ему была подложена свёрнутая гостиничная простыня: подушку он отверг, потому что на ней, по его словам, всё выглядело бы как после операции.

Мара коснулась выключенного микрофона.

— Дэвид, вы можете сесть.

— Мы договаривались, что я не отвечаю до конца.

— Вы можете сесть и не отвечать.

Он посмотрел на жену, словно разрешение следовало получить у неё. Рут стояла рядом с кадкой, в которой росло слишком крупное для этой комнаты дерево. Она не сводила с мужа глаз. Дэвид сел, расправил пиджак и поставил ноги на пол. Один носок был тёмно-синим, другой чёрным. Мара заметила это ещё в начале, когда он снимал туфли, и почему-то сейчас различие показалось ей важнее всех приготовленных слов.

— Продолжайте, если хотите, — сказала она Рут.

— Я уже закончила.

В четырёх рядах кресел сидели пятеро: младшая сестра Дэвида, друг с женой и двое взрослых племянников. Старший держал перед собой программу, свернув её в трубку. До этой минуты он постукивал ею по ладони. Теперь перестал.

Мара убрала с небольшого столика карточку с надписью «Ответ». До ответа оставалось две речи, но Рут забрала сумку и было ясно, что порядок больше ничего не значит.

— Можно я скажу кое-что сейчас? — спросил Дэвид.

Мара посмотрела на Рут.

— Коротко, — сказала та.

Он потёр переносицу. Семьдесят два года, бывший школьный директор. Месяц назад, когда они обсуждали церемонию, он объяснил, что много раз стоял возле чужих гробов и всякий раз хотел узнать, что скажут возле его. Он был здоров, насколько позволял возраст, и не собирался умирать. Хотел поговорить с семьёй, пока ещё способен слышать. Так он сформулировал это для жены.

Маре по телефону он сказал другое:

«Может быть, после этого она перестанет сердиться».

Тогда Мара объяснила, что её работа не включает такой гарантии. Он ответил, что, разумеется, понимает. Она знала этот тон. Так люди принимали условия, которые рассчитывали изменить в конце.

— Я не знал, что тебе до сих пор так плохо, — сказал Дэвид.

Рут опустила сумку на пол.

— Я не говорила, что мне плохо.

— Но ты только что…

— Я сказала, что не простила тебя. У меня всё хорошо. У меня наконец-то всё хорошо.

Дэвид посмотрел на племянников, потом на Мару. Она не стала помогать ему подобрать ответ. На первой встрече они полчаса обсуждали, зачем нужна возможность выслушать человека без немедленного опровержения. Это было труднее всего продавать и ещё труднее объяснять, когда за услугу уже заплатили.

— Мне надо побыть одной, — сказала Рут. — Я буду внизу. Никто не должен уходить из-за меня.

Она подхватила сумку, обошла складное кресло, которое Дэвид выбрал вместо гроба, и вышла. Дверь за ней закрылась тихо: Мара всегда заранее проверяла доводчики. Громкий хлопок мог превратить любую паузу в окончательное решение.

Сестра Дэвида встала.

— Может быть, я всё-таки прочту своё? — Она держала листок обеими руками. — Там ничего такого. Про то, как он отвёз меня в колледж.

Мара спросила Дэвида, хочет ли он продолжить. Он кивнул не сразу.

Речь заняла четыре минуты. Дэвид слушал уже сидя. Когда сестра дошла до сэндвичей, которые мать завернула им в дорогу, он улыбнулся, а потом потянулся к салфеткам. Никто не заставлял его ложиться обратно. Пустое складное кресло постепенно стало просто лишней вещью в арендованной комнате.

После церемонии Мара проводила гостей к лифту и вернулась собирать оборудование. Запись они не заказывали. На стойке стоял микрофон, подключённый только к маленькой колонке; он был нужен сестре Дэвида, которая говорила очень тихо. Без камеры работа нравилась Маре больше. Люди меньше следили за тем, как потом будут выглядеть.

Дэвид сидел на подоконнике. Галстук он снял и намотал на ладонь.

— Вы должны были меня предупредить.

Она смотала кабель и застегнула липучку.

— О чём именно?

— Что она собирается сказать.

— Рут не присылала мне речь. Я сказала вам об этом.

— Вы же с ней разговаривали.

— О том, согласна ли она прийти. Не о том, простила ли вас.

Он разгладил галстук на колене. Пока Мара складывала стойку, он несколько раз открыл рот и снова закрыл. Она могла бы ускорить сборы, уйти, оставить его с администратором. Но в оплаченные два часа входило и время после.

— Я думал, это будет… — начал он.

— Я знаю.

Дэвид поднял голову.

Мара поняла, что произнесла именно ту фразу, которую не должна была. Она не знала, чего он ожидал во всех подробностях: публичного примирения, слёз, права наконец перестать извиняться. У неё была только его версия.

— Нет, — поправилась она. — Простите. Расскажите, чего вы ждали.

Он провёл с ней ещё восемнадцать минут. В конце спросил, стоит ли спуститься к Рут.

— Она сказала, где будет, — ответила Мара. — Это всё, что у нас есть.

Когда он ушёл, в комнате остался запах кофе и нагретого радиатора. Мара собрала программы, кроме одной: на ней Дэвид написал домашний номер сестры, чтобы не забыть позвонить. Под креслом нашёлся ещё один чёрный носок, свёрнутый в плотный шарик. Мара положила программу рядом. Вернувшаяся администратор посмотрела на него, затем на складное кресло.

— Всё прошло хорошо?

— Они поговорили.

Администратор ждала продолжения. Мара закрыла кейс.

Услуга называлась Reply. Отец умер за три года до того, как Мара подала документы. Он не увидел ни названия, ни сайта с аккуратно подобранными фотографиями людей, которые могли сойти за гостей юбилея. На сайте не было гробов. Они появлялись на каждой второй картинке, которую предлагал дизайнер, пока Мара не объяснила, что не занимается погребением.

Чаще всего клиенты вообще не хотели изображать покойников. Они выбирали кресло, длинный стол, иногда свой сад. За четыре года только трое просили лечь. Дэвид оказался четвёртым. Ему нравилось, что такая поза обязывает остальных не перебивать.

Мара отвезла оборудование в маленькую студию над магазином велосипедов. Внизу перебирали тормозные тросики; из открытой двери пахло резиной. Поднимаясь, она услышала, как мастер объясняет покупателю, что дорогой замок не поможет, если пристегнуть только переднее колесо.

В студии горела настольная лампа. Джо прислала звуковой файл с пометкой «Готово, но послушай сорок вторую минуту». Миссис Лин, чью семейную историю они монтировали между церемониями, произнесла имя сестры таким тоном, что убрать паузу после него означало бы изменить смысл. Мара поставила прослушивание на вечер.

На телефоне было сообщение от Ады: фотография почти пустого противня и подпись «Это считалось ужином или опытом?».

Мара увеличила изображение. В левом углу ещё можно было опознать цветную капусту.

«Передай папе, что мне нужен протокол опыта».

Ада ответила сразу: «Он говорит, что результаты невоспроизводимы».

Мара улыбнулась и села за стол. У неё была ровно четверть часа до звонка новому клиенту. После двух переносов тот прислал аванс, хотя она просила сначала обсудить ожидания.

Имя в календаре было обычным: В. Харроу.

Её беспокоило не имя. Харроу встречались в Бостоне чаще, чем казалось человеку, выросшему на окраине Лоуэлла. Беспокоил адрес, появившийся в подтверждении встречи: Нижний дом, Ренпорт. В двух словах поместилась работа, о которой она не рассказывала ни на сайте, ни Джо.

Мара открыла письмо ещё раз. Грамматически безупречный текст, имя помощницы, семь гостей, просьба о конфиденциальности. Заказчица собиралась присутствовать лично. Три часа, частный дом, запись для семейного архива.

Она набрала номер.

Женщина ответила без приветствия:

— Вы узнали дом.

Голос стал ниже, чем помнила Мара. Раньше Вивиан Харроу говорила быстро, легко подхватывала чужое предложение, а закончив, оставляла человеку ощущение, что идею высказал он.

— Да, миссис Харроу.

— Вивиан. После стольких лет можно просто Вивиан.

На столе лежал чистый бланк первичного интервью. Мара написала дату и провела под ней черту.

— Вы могли бы указать полное имя в первом письме.

— И тогда вы бы отказались?

— Тогда я знала бы, кому отвечаю.

— Но сейчас вы знаете. И всё же позвонили.

В магазине внизу зашумел компрессор. Мара закрыла дверь в коридор.

— Расскажите, чего вы хотите от церемонии.

— Услышать правду о себе.

Мара подождала.

— Вам не нравится ответ? — спросила Вивиан.

— Обычно люди хотят услышать какую-то определённую правду.

— Тогда ту, которую имело бы смысл услышать, пока я ещё могу возразить.

Мара развернула бланк. Перечень вопросов был составлен ею самой, и сейчас он раздражал своей последовательностью. Причина обращения. Участники. Ожидаемый результат. Риски. Право выйти.

— Есть медицинская причина торопиться?

— Я не умираю. По крайней мере, мне об этом не сообщали. И раз уж мы говорим прямо: я не хочу, чтобы кто-то лежал в гробу. Мне семьдесят один год. Ложиться легче, чем вставать.

Мара сделала пометку.

— Семь гостей — все члены семьи?

— Нет. Все, кому есть что сказать.

— Это не совсем одно и то же.

— Разумеется.

Несколько секунд слышалось, как Вивиан наливает что-то в чашку. Этот звук Мара помнила. Когда-то утро в Нижнем доме начиналось с тележки, на которой чашки стояли отдельно от блюдец, чтобы не звенеть на неровном полу.

Тогда ей было девятнадцать. Фонд Харроу оплачивал часть её обучения; летняя работа с семейным архивом была не обязательной, но отказываться от неё не предполагалось. Она расшифровывала интервью, подписывала фотографии и переносила имена с карточек в таблицу.

После гибели Роуз Дайер ей принесли запись беседы с Хелен Уорд. Хелен повторяла: «Я думала, они уже позвонили». Мара напечатала это дважды, потому что фраза прозвучала дважды. Вивиан вернула листы с вопросом, зачем в тексте, предназначенном для семейной памяти, оставлять такую путаницу.

В окончательном варианте осталось: «Когда мы её нашли, она была одна».

Девятнадцатилетняя Мара считала, что убрала слова, которые отвлекали от горя. Тридцатидевятилетняя знала, что вместе со словами убрала сомнение.

Она не знала, кому потом показывали этот текст. Несколько раз собиралась спросить. За двадцать лет у такого намерения появилась удобная форма: если бы её работа имела значение, кто-нибудь давно связался бы с ней.

— Почему вы выбрали меня? — спросила она.

Вивиан поставила чашку.

— Потому что вы умеете слушать. И потому что мне не придётся начинать с самого начала.

Мара посмотрела на бланк. Возле ожидаемого результата пока не было ни слова.

— Я должна буду поговорить с каждым отдельно. Любой сможет отказаться. Вы не получите запись, которую можно показывать без их разрешения. И я не обещаю вам примирения.

— Этого я и не прошу.

— Я говорю об этом всем.

— А многие вам верят?

Из телефона пришёл короткий смешок. Он был узнаваемее голоса.

Мара могла сказать, что занята. Вернуть аванс, сослаться на прежнюю работу, объяснить конфликт. Вместо этого она спросила:

— Кого вы собираетесь пригласить?

Вивиан начала перечислять имена. Четыре Мара узнала сразу. Пятое заставило её перестать писать.

— Тесс Дайер, — повторила она.

— Сестра Роуз. Да.

— Она согласилась?

— Сказала, что у неё наконец появилось время.

Мара услышала в комнате Вивиан ещё один голос: женский, негромкий, что-то о пятнице. Вивиан прикрыла телефон ладонью. Потом вернулась.

— Приезжайте посмотреть место. Если решите, что не можете, мы расстанемся друзьями.

Друзьями они не были никогда. Мара уже открыла календарь.

Когда разговор закончился, она ещё некоторое время держала перед собой пустой календарь. Пятница была свободна. Суббота — тоже. Назначенная на неё встреча с семьёй Лин давно переместилась на воскресное утро: дочери нужно было успеть на самолёт. Не существовало даже маленького рабочего препятствия, на которое можно было сослаться.

Джо поднялась из мастерской внизу с бумажным пакетом. Из него выступали две кисти, обёрнутые пищевой плёнкой.

— Они сказали, у тебя есть раковина, которую не жалко.

— Там же, где вчера.

— Вчера я ещё думала, что покрашу кухню за вечер.

Она сняла куртку. На рукаве был жёлтый след, который выглядел намеренным, пока Джо не попыталась его счистить ногтем. Мара открыла рабочую таблицу. Файл миссис Лин лежал в папке для просмотра; рядом стояла пометка Джо про сорок вторую минуту.

— До неё ты уже добралась? — спросила Джо из-за двери.

— Пока нет.

— Там длинно. Я отметила, не вырезала. Посмотри вечером, до отправки всё равно надо будет сесть вместе.

Джо появилась с мокрыми кистями. С каждой медленно стекала вода. Мара подвинула ей пустой контейнер из-под обеда.

— Ты получила новый заказ? — спросила Джо.

— В Ренпорте. На субботу.

— Далеко. Запись?

— Да. Я справлюсь одна. Камера и отдельный звук.

Джо положила кисти в пакет и заглянула в календарь с другого конца стола.

— Тогда я не беру вечер. У меня уже всё в краске, включая холодильник, которого я не касалась.

— Я и не просила.

— Сейчас ты не просишь. Потом кому-нибудь потребуется третья камера, и я поеду искать чёрную рубашку.

На стене висела схема следующей недели. Джо сняла магнит, удерживавший субботнюю карточку, и передала Маре.

— Запиши, до которого часа ты там в субботу. В воскресенье ты встречаешь Лин, я только подключаю звук. Не перепутаем.

Мара вписала девять вечера и положила карточку возле клавиатуры.

— Кто заказчик?

— Вивиан Харроу.

Джо подняла глаза. Фамилия ей ничего не сказала.

— Фонд, который помогал мне учиться, — объяснила Мара. — Я работала у них летом. Давно.

— Ты с ними поддерживаешь связь?

— Нет.

— Но они тебя нашли.

— У нас открытый сайт.

Джо потянула пакет за ручки. Мокрые кисти перевесили, и ей пришлось подхватить дно.

— Ладно. Я не спрашиваю, можно ли брать у них деньги. Мне надо знать, будет ли это обычная работа.

Мара посмотрела на рабочую таблицу. Возле имени миссис Лин стоял срок отправки первого варианта.

— Я поеду посмотреть завтра, в пятницу, — сказала Мара.

— Это ответ про завтра.

— Пока я знаю только про завтра.

Джо кивнула. Она не стала добиваться обещания. Достала телефон и перенесла на себя отправку фильма Лин, которая до этого стояла у Мары. Так было разумнее: утром Джо могла проверить экспорт, пока Мара едет к новому клиенту.

— Я закончу интервью сегодня, — сказала Мара.

— Сколько там ещё?

— Около часа.

— Тогда не заканчивай. Отметь места и оставь мне. С утра будем переслушивать после твоего часа.

Она сказала это без упрёка, собирая с пола капли, вытекшие из пакета. Мара уже открыла рабочую таблицу и начала переносить задачи. Возле трёх фамилий теперь стояли инициалы Джо. Вивиан ещё не получила её согласия, но место для заказа было расчищено.

Когда Джо ушла, Мара написала Селии. Попросила прислать контакты всех приглашённых, объяснив, что будет говорить с ними без заказчицы. В ответ почти сразу пришёл список. У Тесс имелся только электронный адрес.

Мара составила ей короткое письмо. На представлении остановилась. «Мы знакомы» было слишком сильным выражением. «Вы можете меня не помнить» — способом предложить Тесс самой избавить её от объяснений.

Она написала: «В две тысячи шестом я работала с семейными записями в Нижнем доме». Дальше сообщила о предложенной встрече и возможности отказаться от разговора с нею. Прочитала, убрала слово «небольшой» перед работой и отправила.

Подробностей своей работы она не добавила. Они в это письмо не помещались. Мара знала, насколько удобна эта причина: ею можно было пользоваться при любой длине письма.

Ответа к концу вечера не было. Она дослушала миссис Лин до конца, оставила Джо три отметки и выключила колонки. В тишине студии шум компрессора снизу казался собственным дыханием дома.

Глава 2. Нижний дом

С первого раза ключ не повернулся. Леон немного приподнял дверь за ручку, и замок поддался.

— Его меняли в сентябре, — сказал он. — Теперь надо заменить дверь.

Мара переступила порог. На улице моросило; по стеклянному козырьку над входом вода стекала тонкими неровными полосами. Нижний дом был меньше, чем она помнила. В девятнадцать лет всё, что принадлежало семье Харроу, занимало больше места, чем ему полагалось.

Леон принял у неё пальто и повесил на стойку у радиатора. На стойке сохло ещё одно — тёмно-зелёное, с оторвавшейся подкладкой в рукаве. Он заметил её взгляд.

— Моё. Там всё время за что-нибудь цепляешься.

Он кивнул в сторону коридора. Маре было непонятно, о доме ли он говорит или о саде.

Двадцать лет назад Леон носил длинные волосы, перехваченные резинкой. Теперь волосы были короткими, у висков седыми, зато руки остались прежними: широкие ладони, тщательно вычищенные ногти, потемневшее обручальное кольцо. Мара знала его жену по двум летним пикникам. Спросить о ней сейчас показалось ей одновременно необходимым и неприличным. Леон избавил её от этого.

— Вы всё ещё в Лоуэлле?

— В Сомервилле.

— Я подумал, адрес изменился. Тут для вас давно лежало письмо из колледжа. Потом миссис Харроу велела отослать обратно.

Мара не помнила письма. Оно могло прийти когда угодно после её отъезда. Ей неприятно было представить свой старый адрес среди вещей, которые в этом доме продолжали хранить.

Вивиан ждала в бывшей музыкальной комнате. Рояля больше не было; на его месте стоял прямоугольный стол, поверх которого разложили образцы кремовой бумаги. На подносе были две чашки и половина лимона с засохшим краем.

— Я просила без цветов, — сказала Вивиан вместо приветствия.

— Я не заказываю цветы, пока не посмотрю помещение.

— Значит, мы уже экономим.

Она встала навстречу. Невысокая, очень прямая, в синем свитере с короткими рукавами. Под тонкой кожей предплечий виднелись пятна, но движения не были осторожными. Вивиан обняла Мару, отступила, удерживая за локти, и сказала, что та похожа на отца.

Она встречала Питера Эллисона один раз — на вручении стипендий. Он приехал с ночной смены и всю дорогу боялся, что уснёт в первом ряду.

— Он бы возразил, — сказала Мара.

— Конечно. Это и есть сходство.

У окна сидела Селия. Она не поднялась, потому что держала на коленях ноутбук и чашку. Поставив чашку на пол, протянула руку.

— Спасибо, что приехали. У нас завтра начало. Я прислала ваши формы всем семерым.

— Я получила пять ответов.

— Дэниел закончит сегодня. Тесс предпочитает бумагу.

— Мне ещё нужно с ними поговорить.

— Разумеется. — Селия закрыла ноутбук. — Я зарезервировала полчаса перед началом.

— На каждого?

— Всего.

Мара сняла сумку с плеча.

— Тогда нужно перенести начало.

Селия посмотрела на мать.

— Я говорила тебе, что мы слишком поздно занялись этим.

— Речь идёт о разговоре в собственном доме, — ответила Вивиан. — Не об открытии аэропорта.

— Мои условия от этого не меняются, — сказала Мара.

Несколько секунд Вивиан смотрела на неё с почти весёлым любопытством. Потом повернулась к дочери.

— Позвони тем, кто не ответил. Пусть приедут раньше. Мара хочет сделать всё как следует.

Селия открыла ноутбук и добавила что-то в календарь. Двигалась она быстро, но без нервозности. Вивиан едва успела поднести чашку ко рту, а у дочери уже был готов новый порядок дня.

— Семь приглашённых, — сказала Мара, доставая список. — Никаких дополнительных зрителей. Никакой трансляции. Персонал не остаётся в комнате, если не участвует добровольно.

— Леон участвует, — сказала Вивиан. — Он здесь дольше всех.

— Я спрошу его сама.

— Вы действительно спрашиваете каждого?

— Да.

— Тогда вам придётся спросить и меня.

Мара села за стол.

— Вы понимаете, что любой может сказать не то, чего вы ожидаете? В том числе при остальных?

— Именно за этим я вас наняла.

— Любой может уйти. Я тоже могу остановить разговор.

Вивиан поставила чашку.

— По какой причине?

— Если кто-то откажется продолжать. Если возникнет угроза. Если человеку понадобится помощь, которую я не могу оказать.

— Например, психологическая?

— Например. Я не терапевт.

— И не судья, надеюсь.

— И не судья.

Селия вписала что-то в телефон.

— Ужин остаётся на семь? — спросила она.

— Пусть будет лёгкий буфет, — сказала Вивиан. — После откровений никто не хочет супа.

Мара посмотрела на часы. Она собиралась закончить осмотр за сорок минут, а уже провела пятнадцать в комнате с людьми, которые по-разному понимали даже слово «начало».

Вивиан разложила на столе семь карточек. Каждая была напечатана на плотной бумаге, такой же, как образцы возле подноса. «Распорядитель наследия». «Хранитель предмета». «Свидетель решений». «Свидетель заботы». «Хранитель места». «Свидетель отсутствующей». «Голос отсутствующего».

На последней Мара задержала взгляд.

— Мы не будем говорить от имени Роуз.

Селия подняла голову от телефона.

— Здесь не написано её имя.

— Тесс пригласили как её сестру. «Свидетель отсутствующей» — это кто?

— Человек, которого я слишком долго не слушала, — сказала Вивиан. — Разве это плохая роль?

— Это формулировка, в которой ей придётся разбираться перед другими. Я предпочитаю имена.

— Имена будут на обороте.

— Вивиан.

Хозяйка помолчала. Потом собрала карточки, выровняла их о стол и придвинула к Маре.

— Покажите им. Скажите, что можно отказаться. Я не собираюсь запирать дверь.

— А последняя карточка?

— Грэм читает письмо. Я не уверена, что смогу прочесть сама.

— Ваше письмо?

— Да.

— Вы его написали?

Вивиан посмотрела ей в глаза.

— Да, Мара. Я беру на себя эти слова.

— Мне нужен текст.

— Это единственное, чего я не хочу делать заранее. Он получит конверт здесь. При всех.

Мара отодвинула карточку от остальных.

— Вы понимаете, что я могу прервать чтение?

— Да.

— Что это не защищённый пункт программы? Он не обязан закончить, только потому что начал?

— Да.

— И никто не будет представлять письмо как слова умершего человека.

— У меня ещё есть надежда пережить субботу.

Селия не улыбнулась.

Мара записала условия на отдельном листе. Закрытые тексты случались: иногда человек не мог отдать даже посреднику слова, которые годами собирался сказать супругу. Она позволяла такое только от первого лица и только с правом остановить. Сегодня это выглядело уступкой ещё до начала работы. Она подчеркнула слово «автор» и протянула лист Вивиан.

Та прочла, подписала и вернула.

— Так вам будет спокойнее?

Мара убрала документ в папку.

— Теперь покажите комнату.

Они прошли в длинную гостиную, обращённую к террасе. Стены были цвета старой слоновой кости; светильники, которые Мара помнила, заменили плоскими латунными дисками. За окном влажный газон спускался к кустам. Море не было видно, но доносился шум — короткий, неровный, совсем не похожий на ровный фон, который она иногда убирала из любительских записей.

Вивиан хотела сидеть у камина лицом к гостям. Мара переставила кресло чуть в сторону, чтобы никто не оказался у неё за спиной. Для остальных попросила восемь стульев, включая свой. Селия сосчитала вслух и посмотрела на мать.

— Она не приглашённая, — сказала Вивиан.

— Но я буду сидеть, — ответила Мара.

Леон, молча вошедший следом, принёс рулетку. Вместе они проверили, не перегородит ли штатив проход. Мара отметила место, где кабель можно было закрепить лентой, и попросила убрать со столика стеклянную чашу. Никто не спорил. Эти маленькие понятные действия вернули ей ощущение работы.

Запись предстояла локальная. Вивиан не разрешила передавать личные речи через облачный сервис; Мара объяснила, что тогда передача копий займёт больше времени. Камера и

отдельный рекордер, резервирующий звук, останутся у неё до согласованного отбора. Ни одному человеку в комнате не полагалось единолично распоряжаться чужим выступлением.

— Сколько вы храните исходники? — спросила Селия.

— Это есть в приложении к договору.

— Я читала. Спрашиваю, бывают ли исключения.

— В обе стороны. Если есть спор о согласии, удалять спорный материал сразу я не стану.

Вивиан, стоявшая у камина, повернула маленькую фотографию лицом к стене. Потом сказала, что на время разговора надо убрать все семейные снимки: они будут отвлекать.

Леон положил рулетку в карман.

— Куда сложим технику после? — спросил он у Мары.

— В машину.

— До конца вечера?

Вивиан напомнила, что ужин входит в заказ. Не как церемония, уточнила она, а как время, когда человеку может потребоваться уйти в отдельную комнату и поговорить. Мара согласилась оставаться до девяти: это было оговорено ещё по телефону.

Леон показал шкаф в небольшом хозяйственном помещении за библиотекой. Две полки, несколько старых подставок под ноты, свободное место внизу. Кейс поместился бы без труда.

— Я дам ключ, — сказал он. — У миссис Харроу и у Селии есть по мастер-ключу от дома.

— Тогда это не совсем закрытый шкаф.

— Здесь нет совсем закрытых шкафов.

Он произнёс это без улыбки, но не мрачно, скорее как человек, которому часто приходится доставать вещи, запертые чужими руками.

На обратном пути Мара свернула не туда. Вместо двери в гостиную перед ней оказался короткий проход с окном в конце. За окном виднелась стеклянная крыша, почти на уровне её колен. Под стеклом росли деревья в кадках.

— Нижний сад, — сказал Леон у неё за спиной. — Сверху кажется, что он в земле. На самом деле дом стоит на склоне.

Мара помнила это место. Шесть широких ступеней спускались из дома в зимний сад. Внизу, напротив лестницы, была ещё одна дверь во двор. Она могла бы нарисовать план по памяти, но не помнила рисунка камня на ступенях.

Теперь камень был светло-серым, с мелкими тёмными включениями. Новый. По обеим сторонам установили перила.

— Когда переделали?

— Восемь лет назад.

Леон смотрел в сад, не на неё.

Она хотела сказать: «Я спрашивала не поэтому». Но он ничего не предположил вслух.

Из музыкальной комнаты донёсся голос Селии. Она говорила с кем-то по телефону о платеже, который нельзя было ещё раз перенести. Потом дверь закрылась, и слов не стало слышно.

Мара попросила показать запасной выход. Леон повёл её вниз. Под стеклом было теплее, чем в доме. В мокрой земле стояла неглубокая пластмассовая лейка; на скамье сохли две садовые перчатки. Никаких следов двадцатилетней давности здесь не оставалось. Даже стена возле наружной двери была перекрашена.

Вернувшись наверх, Мара сняла пальто со стойки и обнаружила, что Леон успел подложить под него сухое полотенце. Её всё ещё раздражала забота, которую оказывали прежде, чем она успевала решить, хочет ли остаться.

Селия догнала её у выхода.

— Стойку для экрана вы зря привезли? Мама передумала что-нибудь показывать.

— Она в машине. Заберу обратно.

— Можете по дороге оставить в фонде? Там старый экран, всё ищут, на что поставить. Я попрошу Эми встретить. Если не подойдёт, после субботы заберёте.

Мара посмотрела на время. До студии она уже не успевала прежде Джо.

— Пусть пока не разбирают крепление. Винт легко потерять.

— Я скажу.

Селия уже набирала сообщение. Мара записала себе вернуть стойку в рабочую опись после выезда и убрала телефон.

Вивиан вышла проводить её.

— Вы почти не изменились, — сказала она.

Мара продела руку в рукав.

— Мне было девятнадцать.

— Вы и тогда всё записывали.

— Не всё.

Они стояли у открытой двери. Дождь закончился, но с козырька ещё капало.

Вивиан кивнула, принимая поправку так легко, словно Мара назвала другую дату.

— Тогда завтра постарайтесь ничего не пропустить.

До фонда было одиннадцать минут. Мара проехала мимо нужного поворота: на фасаде сменили вывеску, и вход теперь находился со стороны парковки. Из машины она достала сложенную стойку. Красный винт выступал из чехла, и она замотала его ремешком, чтобы не зацепить пальто.

Дверь придерживал подросток с тремя толстыми книгами. Он спросил, не нужна ли помощь, но, прежде чем Мара ответила, сверху окликнули его по имени. Подросток побежал, стукнув последней книгой о перила. Мара упёрла дверь ногой и протиснулась боком.

За стойкой приёмной никого не было. На подоконнике лежала детская варежка с одной пришитой пуговицей вместо глаза. В соседней комнате женщина раскладывала карточки с названиями улиц. Увидев оборудование, махнула в глубину коридора.

— Эми внизу. Нет, через ту дверь нельзя, там занятие.

Мара развернулась, едва не сбив концом чехла бумажный дом с крышей из упаковочного картона. Женщина успела подхватить дом и поставила его дальше от края.

— Извините.

— Он пережил пожарную машину. Вас тоже переживёт.

Эми нашлась в комнате за лестницей. На столах стояли альбомы: раскрытые, пустые, с прозрачными карманами. Девушка приложила телефон к плечу и пыталась одновременно придержать линейкой фотографию.

— Нет, пожалуйста, не режьте, — говорила она. — Скан можно обрезать. Сам снимок не надо. Мы оставим с белым краем.

Она показала Маре, куда положить стойку, закончила звонок и распрямила затёкшую шею.

— Простите. У нас все хотят убрать соседей со школьных фотографий.

— Я от Селии.

— Да. Экран в углу. Мне сказали, вы поставите.

— Мне сказали, вы проверите, подходит ли стойка.

Эми посмотрела на чехол. Потом на экран, лежавший вдоль стены. К его раме был привязан пакет с деталями.

— Я его не собирала. Он раньше был в другом здании.

Мара расстегнула чехол. Если оставить оборудование так, кто-нибудь всё равно попытается соединить детали. Красный винт подходил только к её раме, и потерять его здесь было легче, чем потом объяснить, какую именно деталь нужно вернуть.

— Давайте сначала посмотрим крепление.

Они подняли экран и прислонили к столу. Эми придерживала раму, пока Мара вытаскивала из пакета плоскую скобу. Из коридора позвали: доставщик не мог ждать, кто-нибудь должен был расписаться. Эми закрыла глаза.

— Идите, — сказала Мара. — Я положу на пол. Он не упадёт.

Пока девушка отсутствовала, Мара убрала с прохода коробку альбомов и расстелила чехол под рамой. Внутри ближайшего альбома на первом листе было написано карандашом: «Не забыть про собаку». На другом — «Бабушка не знает год». Ниже оставили пустое место.

Эми вернулась с ещё одной коробкой. Поставила её на освободившееся место, открыла, пересчитала папки.

— Не то, — сказала она тихо.

Мара продолжала примерять скобу. Эми не звала её разделить возмущение: искала в телефоне номер заказа и сверяла наклейку. Потом позвонила поставщику.

— Я могу вернуть эти. Но мне нужны те, что открываются плоско. У нас люди будут вкладывать старые письма, им нельзя каждый раз сгибать край.

Она выслушала ответ и записала фамилию. На столе зазвонил второй телефон. Эми отключила звук, не прерывая разговора.

Крепление подошло только с одной стороны. Поднимать на нём экран Мара не стала.

— Это будет держаться, пока кто-нибудь не заденет угол. Нужна другая скоба. Я сфотографирую, вы покажете человеку, который собирал.

Эми наконец положила трубку.

— Значит, не получится?

— С этой деталью — нет. Стойку пока оставлю, как договорились с Селией. Но не ставьте экран на один винт.

Эми принесла полоску бумаги и написала большими буквами: «НЕ СОБИРАТЬ». Привязала к ножке.

— Так поверят. Если написать «нужен крепёж», все начинают искать у себя в ящиках.

Они отнесли экран обратно к стене. Пока Мара складывала стойку, Эми отодвинула ногой альбомы из-под батареи. От неё пахло клеем и мятной жвачкой.

— Вы завтра снимаете у миссис Харроу?

— Да.

— Селия сказала, у нас потом могут быть похожие встречи. Не такие большие. Если вам понадобится помещение, эту комнату обычно можно забронировать.

— Я пока ничего об этом не знаю.

Эми показала на потолок.

— Здесь шумят до четырёх. А в субботу после двух тихо. Это на всякий случай.

Мара не стала спрашивать, что именно Селия уже предложила сотрудникам. Достала визитку, на обороте написала номер стойки и попросила позвонить перед сборкой. Девушка приколола карточку к бумаге на ножке; край чехла остался виден из-под стола.

На выходе Мара пропустила пожилую женщину, которая несла пакет фотографий и спорила с сопровождавшим её мальчиком, жила ли собака до его рождения. Мальчик был уверен, что помнит её. Женщина позволила ему закончить и только потом сказала, что на снимке вообще другая собака.

В машине Мара увидела сообщение Джо: «Ты ещё едешь?» Она ответила, что задержалась в фонде. Больше ничего объяснять не требовалось, но она всё же открыла календарь и передвинула собственное возвращение ещё на полчаса.

В студии Джо ждала возле принтера. На полу стоял её пакет с кистями. Он высох и теперь шуршал от каждого прикосновения.

— Ты едешь завтра? — спросила она.

Мара сняла пальто. В кармане что-то звякнуло. Она машинально полезла за ключом и нащупала мелочь, которую положила туда на заправке.

— Да, — сказала она. Потом добавила: — Сейчас подтвержу.

Она открыла переписку с Вивиан. В окне уже стоял набранный ещё до осмотра ответ: «Спасибо, я посмотрю и сообщу». Мара стёрла его. Написала, что берёт субботнюю встречу, оставляет время до девяти и сама скажет гостям, когда начнётся запись. Дошла до письма, остановилась и достала из папки подписанный лист.

Джо подняла крышку принтера.

— Тебе нужно что-нибудь распечатать?

— Мне нужно, чтобы у неё тоже было это.

Мара разложила лист на стекле. Складка пересекала подпись. На первой копии в этом месте появилась тень. Она разгладила бумагу ладонью и сделала вторую.

— Можешь посмотреть, что я написала? — спросила она.

Джо прочла письмо с экрана. Указала на конец.

— «Остальное на месте». Это что?

— Кто сядет куда. Будет ли кто-нибудь говорить после письма. Я пока не знаю.

— А если они читают это как «там договоримся, как тебе работать»?

Мара убрала фразу. Осталось приложить лист. Вивиан подтверждала в нём, что текст её, и соглашалась на остановку чтения. В доме она отказалась показать само письмо. Сейчас Мара могла настоять: без текста встречи не будет.

Она вынула лист из принтера и положила перед собой. Вивиан когда-то принимала её работу с чужими словами. Тогда Мара ждала её отметок на каждом листе. Сегодня впервые поставила перед ней свой лист и получила подпись. Этого оказалось достаточно, чтобы представить завтрашний вечер управляемым.

— Ты точно одна справишься? — спросила Джо.

— Я успею собрать и звук, и камеру. Если Лин утром напишет о просмотре, можешь ответить сама?

— Я сама проверю. От тебя мне нужны три отметки, где смотреть.

Мара открыла файл. Пометки стояли на месте. Она передала Джо ссылку с теми же тремя отметками и больше ничего не добавила. Затем вернулась к письму, приложила копию подписанного листа и отправила подтверждение Вивиан.

Принтер всё ещё показывал один документ в очереди. Джо сняла задание с очереди и выключила принтер. Мара забрала оригинал и положила в наружный карман сумки, откуда его можно было достать, не вынимая камеру.

Глава 3. Приглашённые

К пяти часам у ворот Нижнего дома стояли четыре машины. Пятая, старая белая «Субару», проехала мимо входа и развернулась у служебного двора. Мара увидела её из гостиной, когда проверяла кадр. Водительница не вышла сразу. Сидела, положив руки на верхнюю часть руля.

Вивиан в комнате не было. Селия раскладывала на стульях карточки именами вверх. На вопрос, не лучше ли оставить выбор мест гостям, ответила, что мать плохо слышит справа.

— Она говорила мне, что не нуждается в микрофоне.

— Она и очки называет украшением.

Селия посмотрела в камеру, стоявшую на штативе.

— Я попадаю в кадр?

— Все попадают. Кроме меня, когда я у камеры.

— Хорошо бы видеть и вас.

Мара передвинула задний стул на несколько дюймов.

— Когда начнём, я сяду здесь.

В руках Селии появился второй набор карточек. На нём были только роли. Она положила его в верхний ящик узкой консоли у стены. Мара вспомнила лист с подписью Вивиан и почувствовала облегчение, слишком быстрое для вещи, которая ещё не успела стать проблемой.

— Как у вас? — спросила Селия.

— Что именно?

— Проверки перед началом. Все согласны?

Мара кивнула на белую машину.

— Ещё один разговор.

Тесс Дайер вошла через главный вход с пакетом из продуктового магазина. В пакете лежала обувная коробка. На ней тонким маркером было написано «Rose — summer». Мара не спросила, что внутри. Тесс заметила её взгляд и прижала пакет к боку.

— Мне сказали принести вещь. Я привезла фотографии. Не отдавать.

— Их не обязательно кому-то отдавать.

— Здесь с этим бывает путаница.

Мара проводила её в маленькую комнату, где раньше хранили ноты. Теперь там стоял письменный стол с двумя креслами. За дверью кто-то чихнул, попросил у Леона воды. Тесс обернулась на звук, потом поставила коробку себе на колени.

— Вы хотите выступать или только послушать? — спросила Мара. — И что думаете о записи?

— Я согласна на запись. Я хочу, чтобы её сделали.

Мара положила перед ней форму.

Тесс читала внимательно. Ручку из сумки достала свою, дешёвую, с рекламой страхового агентства. Возле пункта о публикации поставила прочерк.

— Это означает отказ? — уточнила Мара.

— Это означает, что сначала я хочу увидеть, что вы собрали.

— Тогда я так и напишу.

— Полностью. Не то, что ей понравится.

Мара вписала условие от руки и дала Тесс прочитать. Та кивнула, но не подписала сразу.

— Вы работали здесь тем летом.

— Да.

— Я вас помню. Не хорошо. Просто помню, что была ещё одна девушка.

Мара не стала говорить, что тогда почти не встречалась с Роуз. Это было правдой, за которую она слишком часто пряталась.

— Я занималась семейным архивом, — ответила она. — Если вы не хотите, чтобы я вела разговор, можно сказать об этом сейчас.

— А кто его будет вести?

— Сегодня — никто. Придётся перенести.

Тесс посмотрела на закрытую дверь.

— Нет. Ей только это и нужно. Чтобы опять нашлась причина не сегодня.

Она подписала форму.

Мара показала обе стороны карточки. Тесс прочла «Свидетель отсутствующей» и потёрла пальцем край бумаги.

— У неё есть имя.

— Я сказала Вивиан, что роли необязательны.

— Я не спрашиваю, обязательны ли они. Я говорю, что у моей сестры есть имя.

Мара взяла чистую карточку и написала «Тесс Дайер». Потом, ниже: «Роуз Дайер».

— Так?

— Не знаю. Посмотрим, что она собирается делать.

Тесс раскрыла коробку, чтобы убрать ручку, но остановилась и достала фотографию в бумажной рамке. На сгибе бумага разошлась. Она попробовала заправить угол обратно; щель стала длиннее.

— У вас есть лента?

Мара протянула узкий рулон, которым помечала кабели.

— К снимку лучше не клеить. Только к рамке.

— Я знаю.

— Простите.

Тесс положила фотографию лицом вниз. На обороте рукой, не похожей на её крупные буквы на коробке, было написано «Последний день». Без года. Мара отмерила полоску и отрезала ножницами. Тесс забрала её, прижала к бумаге с внутренней стороны. Работать вместе оказалось проще, чем закончить разговор.

— Мне пришлось поменяться, — сказала Тесс. — Сегодня в музее детская группа. Я попросила человека, которому уже обещала больше не отдавать субботы. Она решила, у меня свадьба.

— Вы можете уйти, когда нужно.

— Уйти я могу. Субботу уже не верну.

Она подняла снимок. Клейкая лента удерживала рамку, но бумага больше не лежала ровно.

— Поэтому я не хочу час слушать, как они всё-таки были хорошими людьми. Я это знаю. Мне от этого ничего не надо.

Мара пододвинула мусорную корзину, чтобы Тесс могла выбросить обрезки. Та аккуратно собрала их в ладонь.

— Если вы захотите спросить Вивиан прямо, я не стану требовать, чтобы вы сначала дочитали речь.

— А если она не ответит?

Мара посмотрела на часы на стене. Стрелка двигалась рывками: батарейку нужно было менять, но секунды она всё же считала.

— Я не могу заставить её.

— Знаю. Все всё время объясняют мне именно это.

За дверью передвинули мебель. Селия попросила Леона не ставить стул спинкой к проходу. Тесс прислушалась, потом закрыла коробку и вышла в коридор вместе с Марой.

В гостиной для неё приготовили место между Оуэном и Хелен. Она поставила коробку на свой стул.

— Я сяду с краю.

Селия начала объяснять, откуда Вивиан лучше слышно, но Тесс уже взяла стул за спинку. Он зацепился ножкой за ковёр. Мара приподняла второй край, и вместе они перенесли его к проходу, оставив камере обзор.

— Я не собираюсь убегать, — сказала Тесс. — Просто не хочу никого просить встать.

— Здесь никого не нужно просить, — ответила Селия.

Она тут же отодвинула стоявший у двери столик, чтобы проход был шире. На его месте остался прямоугольный след в ворсе ковра. Тесс поблагодарила её. Селия посмотрела, не мешает ли столик теперь камере, и вернулась к карточкам.

Мара взяла коробку со стула и протянула Тесс. Ей хотелось сказать, что никакой фотографии не требуется, если та передумала. Тесс уже прижимала коробку к себе; ещё одно разрешение ничего бы не прибавило.

Перед тем как отойти, Тесс задержалась возле Мары.

— Вы раньше проводили такое с людьми, которые друг друга ненавидят?

Мара могла ответить общо. Вместо этого вспомнила Рут у окна.

— Я проводила с людьми, которые по-разному понимали, зачем пришли.

— Это удобный ответ.

— Я знаю о вас слишком мало, чтобы ответить точнее.

Тесс чуть наклонила голову, принимая границу. Потом отошла к Хелен с коробкой в руках.

В коридоре Дэниел пытался снять куртку, не выпуская из пальцев маленькую стеклянную фигурку. У него не получалось. Леон протянул руку, но Дэниел покачал головой и зажал фигурку подбородком. Она была похожа на птицу, только с очень длинным хвостом.

— Я разобью её ещё до начала, — сказал он. — Было бы последовательно.

Мара помогла ему стянуть рукав. Вблизи стало видно, что птица треснула у основания и была склеена. Через стекло проходила желтоватая полоска.

— Это ваш предмет?

— Материн. Хочу вернуть.

— Во время выступления?

— Если будет возможность.

Он говорил с той лёгкостью, которая превращала любую просьбу в попытку не слишком обременять собеседника. Мара помнила его длинным худым студентом, приезжавшим на выходные. Сейчас он всё ещё был худым, но волосы над лбом поредели, и улыбка больше не делала лицо моложе.

До этого они поговорили по телефону. Дэниел спросил, можно ли не слушать собственную речь в записи после мероприятия. Мара объяснила, что да. Он заметно успокоился.

— У вас тут ещё есть зарядка? — спросил он Леона. — Моя опять осталась у Милли.

— На кухне.

— Где всегда?

— Где последние восемь лет.

Леон понёс куртку в гардеробную. Дэниел проводил его глазами.

— Из этого дома никто толком не уезжает, — сказал он, но без той интонации, которая сделала бы фразу значительной. Скорее недовольно, как о забытом счёте.

На лестнице появилась Хелен Уорд с пакетом леденцов. Она предложила Маре один, уточнив, что они обычные, без трав. Её собственный голос заметно сел.

— Простуда?

— Вчера читала внуку. Он не признаёт, что в книге можно оставить кого-то спать до завтра.

Хелен была ниже Вивиан, шире в плечах, в удобном брючном костюме. Она принесла керамическую миску, завёрнутую в полотенце. В миске были печёные яблоки.

— Леон сказал, будут сэндвичи. Но Вивиан после шести от хлеба плохо спит, а потом винит телевизор.

Мара помогла ей отнести яблоки на кухню. Кулинарный жест не совпадал с карточкой «Свидетель заботы» только тем, что был слишком обыкновенным. Хелен не смотрела на него как на свидетельство чего бы то ни было. Сняла полотенце, попросила нож и подрезала обгоревший край одного яблока.

— Как вам форма? — спросила Мара.

— Длиннее, чем я рассчитывала.

— Есть вопросы?

— Да. Если она начнёт спрашивать про Артура, я не обязана отвечать?

Артур Харроу умер одиннадцать лет назад. Мара не знала обстоятельств, кроме короткого извещения.

— Не обязаны.

— Хорошо. Он был моим другом. Некоторые вещи касались только его.

— Вы можете сказать именно так.

Хелен вздохнула и аккуратно сложила полотенце.

— Вы, наверное, думаете, это легко.

— Нет.

Ответ ей понравился больше, чем предложение готовой фразы.

В гостиной Грэм Холт уже выбрал место рядом с торшером и рассматривал петличный микрофон, хотя Мара приготовила его только на случай, если кресло Вивиан придётся отодвинуть. Он положил прибор обратно, когда она вошла.

— Привычка, — сказал он. — Всю жизнь хочется проверить, включено ли.

— Пока нет.

— Так и оставили бы.

Он улыбнулся. Под глазами у него лежали тяжёлые складки, из кармана пиджака выглядывали дешёвые очки для чтения. Маре он прислал согласие одним из первых, но к нему приложил три вопроса о том, кому принадлежит монтаж. В ответе она подчеркнула разницу между оплатой работы и согласием выступающих на использование своих слов.

— Текст уже у вас? — спросила она.

— Нет. Вивиан сказала, принесёт сама. Я предпочёл бы хотя бы взглянуть, там может быть мелкий шрифт.

— Она подписала подтверждение авторства. Если что-то не захотите читать, остановитесь.

— Она сказала, что это её собственное письмо в будущее. Я всё равно предупредил: с французскими фамилиями без репетиции не справлюсь.

Он опять улыбнулся, и Мара поняла, что он делает это после каждой фразы, которая могла бы звучать недовольной.

У камина стоял Оуэн Прайс. Он пришёл без верхней одежды, из соседнего кабинета, и спросил Мару, не нужно ли ему ещё что-нибудь подписать. На столик рядом с ним он положил кожаный футляр с очками, выровняв его по краю.

— То, что вы прислали, я получила, — сказала Мара.

— Прекрасно. Я только уточню: согласие на запись не означает согласия с содержанием других выступлений.

— Разумеется.

— Мне хотелось произнести это вслух.

Грэм наклонился к нему:

— Пока выключено, Оуэн.

Прайс не улыбнулся, но взял футляр и убрал его в карман.

К половине шестого все семеро находились в доме. Леон вымыл руки, сменил рабочую рубашку на светлую и долго не мог найти себе место среди людей, у которых обычно забирал мокрые пальто. Мара показала ему стул возле двери. Он кивнул с благодарностью.

На буфетном столе стояли вода и кофе. Алкоголь убрали по просьбе Мары. Дэниел дважды потянулся к пустому месту, где, видимо, раньше стояла бутылка, потом выбрал воду. Тесс сидела с коробкой под ногами и рассказывала Хелен, что осенью в их музей приходит больше школьников, чем летом туристов. Хелен слушала, не пытаясь перевести разговор на Роуз.

Мара была благодарна им обеим. Она привыкла, что перед такими встречами люди говорят о пробках и погоде, словно обычный разговор становился неприличным. Тесс спросила про внука Хелен. Та назвала имя и возраст. Они даже успели посмеяться над чем-то, чего Мара не расслышала.

Потом вошла Вивиан.

На ней был серый костюм и мягкие тёмные туфли. Волосы она заколола выше обычного. В руках держала один конверт, незапечатанный, с отогнутым клапаном. Вместо поминальной фотографии на столике возле её кресла стояла маленькая латунная лампа.

— Прошу прощения, — сказала она. — Покойная задержалась.

Дэниел коротко засмеялся. Хелен посмотрела в пол. Тесс продолжала держать ладонь на крышке коробки.

Мара подошла к хозяйке.

— Прежде чем сядете, я ещё раз скажу всем условия.

— Конечно. Это ваш вечер.

Вивиан протянула Грэму конверт и села в кресло у камина. Селия встала позади неё, поправила складку на плече пиджака. Мать подняла руку, нащупала пальцы дочери и на секунду сжала.

Мара дождалась, пока Селия займёт место. Потом произнесла медленнее, чем обычно:

— Здесь нет обязанности прощать, извиняться или отвечать сразу. Вы можете попросить паузу. Можете уйти. Если кто-то откажется от записи разговора, мы остановим запись и обсудим, как быть дальше. Сейчас я включу камеру и звук. Все согласны?

Она получила семь ответов и восьмой — от Вивиан. Посмотрела по очереди на каждого, давая время передумать. Затем нажала кнопку камеры.

Красный индикатор отразился в тёмном оконном стекле. Мара включила рекордер и назвала дату.

Глава 4. Голос отсутствующего

Первой заговорила Хелен. Не дожидаясь карточки, она достала из кармана сложенный вчетверо лист и сказала, что собиралась начать с даты знакомства, но не может её вспомнить.

— Ты уже дважды была у нас дома, когда я узнала, что тебя зовут не Вивьен, — сказала она Вивиан. — Артур всё время говорил так, будто ты французская актриса.

Вивиан улыбнулась.

— Он надеялся.

— А ты не исправляла. Мне кажется, это было с твоей стороны нечестно.

— Он много на что надеялся. Я не могла отвечать за всё.

Хелен разгладила лист. На нём было всего несколько строк; остальное она рассказывала сама. О сломанной машине возле больницы, о том, как Вивиан однажды привезла ужин на двенадцать человек в комнату, где помещалось шестеро, о летнем дожде, после которого они развесили скатерти на перилах.

Говоря о приятном, Хелен не становилась увереннее. Она то смотрела на лист, то мяла край, хотя слова, видимо, знала. Вивиан слушала внимательно. Ни разу не попыталась уточнить дату.

Мара сидела у стены и видела всех в три четверти. Только лицо Тесс было почти в профиль. Та смотрела не на Хелен, а на хозяйку. Коробку с фотографиями она поставила под стул, подальше от чужих ног.

— Я не буду говорить, что ты заменила мне семью, — продолжала Хелен. — У меня была семья. И ты иногда терпеть их не могла.

Дэниел тихо фыркнул.

— Но когда я не умела попросить, ты сама понимала, что нужно. Это не всегда нравилось. Иногда ты понимала неправильно. Наверное, я должна была говорить тебе об этом тогда.

Она замолчала. Вивиан сложила руки на коленях.

— Можно сказать и сейчас.

— Я ещё думаю, — ответила Хелен.

Это прозвучало почти сердито. Вивиан кивнула, и на секунду Мара увидела возможность обычного разговора, ради которого стоило приехать. Не торжественного признания, не всеобщего исправления, а права старой подруги оставить вопрос незавершённым.

Дэниел поднял стеклянную птицу.

— Мой выход?

Мара спросила взглядом Хелен. Та сложила лист и убрала в карман.

— Прошу.

Дэниел встал, хотя Мара объясняла, что этого не требуется. Придвинулся к матери, протянул птицу и снова забрал.

— Она склеена. Не хочу, чтобы у тебя в руках рассыпалась.

— Я вижу.

— Я не сам клеил. Отнёс человеку, который этим занимается.

— Дэниел.

— Сейчас. Я просто хотел сказать, что помню. Ты думала, её разбили, когда перевозили вещи из летнего домика. Это я разбил.

Вивиан смотрела на птицу.

— Когда тебе было четырнадцать?

— Нет. Потом. Я взял её с собой. Хотел продать. Не получилось.

Хелен отвела глаза. Селия перестала вращать кольцо на пальце.

— Ты не должен был приносить её сегодня, — сказала Вивиан.

— Ты просила вещь, которая для меня что-то значит.

— Я просила воспоминание.

— Это оно и есть.

У него дрожала рука. Он заметил это и поставил птицу на столик рядом с лампой. Трещина теперь была обращена к гостям.

Мара посмотрела на Вивиан, готовясь остановить обмен, если та попросит. Но хозяйка только коснулась стеклянного хвоста.

— Спасибо, что вернул.

Дэниел не сразу отошёл. Очевидно, ждал чего-то ещё. Потом кивнул и сел. Его колено начало быстро двигаться вверх-вниз.

Леон поднял голову, словно наступила его очередь. Вивиан не посмотрела на него.

Он нагнулся за своим стаканом. Под ним оказалась карточка, пустая сторона кверху. Леон взял её и поставил на столик у лампы. Деревянная рамка под карточкой качнулась, и он подложил под неё сложенную салфетку.

— Я всё-таки скажу, — произнёс он.

Вивиан повернулась. На этот раз повернулась вся, даже ногу переставила.

— Я слушаю.

— Я повесил в кухне расписание на декабрь. Если хотите позвать людей на Рождество, скажите Селии. Я уже договорился уехать двадцать третьего.

— Конечно. К сестре?

— Нет. У меня поездка.

Вивиан посмотрела на него так, будто он сообщил, что у него появился сын. Потом улыбнулась.

— Леон, ты можешь уехать хоть завтра.

— Я знаю. Просто когда меня нет, звоните сначала тому, кто остался.

Селия поправила стакан на своём столике. Мара увидела, как она подняла взгляд, но Вивиан уже отвечала:

— Мы ведь звоним тебе, потому что ты знаешь, где всё лежит.

— Если я один знаю, где лежит, значит, плохо положил.

Дэниел засмеялся, на этот раз не глядя на мать. Леон кивнул ему, сел глубже и взял стакан обеими руками. Больше ничего не добавил. Он отнял у Вивиан меньше минуты. Ей, похоже, уже хотелось эту минуту вернуть.

— Я рада, что ты вернул вещь сам, — сказала она сыну. — У нас всегда Селия всё возвращала на место. Звонила, объясняла, забирала бумаги. Мы позволили ей слишком рано решать за всех.

Селия положила ладонь на колено Дэниела. Оно остановилось.

— Не надо сейчас про меня.

— Ты часть моей жизни.

— Тогда скажи, что ты просила меня делать.

Вивиан посмотрела в сторону камеры.

— Думаю, мы все иногда понимали просьбы по-своему.

Мара увидела, как Селия убрала руку с колена брата. Под кольцом осталась светлая полоса. Она потянула кольцо, не снимая.

— Мы можем остановиться на этом, — сказала Мара. — Или дать Селии ответить.

— Я и ответила.

Селия говорила ей, а смотрела на мать.

Дэниел потянулся к стеклянной птице, поправил её на столике, хотя она стояла ровно. Вивиан дождалась, пока он сядет.

— Грэм, — сказала она. — Прочтите, пожалуйста.

Мара взглянула на часы. Они разговаривали тринадцать минут. До этого пункта по приблизительному порядку оставалось ещё два выступления.

— Вы хотите поменять порядок?

— Я хочу, чтобы мы перестали подходить к этому с разных сторон.

Мара посмотрела на остальных.

— Есть возражения?

Тесс подняла руку неуверенно, почти школьным жестом. Мара повернулась к ней.

— О чём это письмо? — спросила Тесс.

Вивиан не стала ждать, пока вопрос повторят.

— О том, о чём ты хотела поговорить.

— Я хотела, чтобы ты мне ответила.

— Я отвечу. Сначала послушаем.

Грэм надел очки и вынул листы. Их было два. На первом текст начинался высоко, без обращения; второй он положил под первый, не читая.

— Мне нужна минута, — сказал он.

Вивиан чуть наклонила голову.

— Конечно.

Грэм пробежал глазами первые строки. Потом перевернул верхний лист, проверяя, нет ли имени с обратной стороны. Имени не было. Он посмотрел на Мару.

— Здесь без вступления.

— Это слова Вивиан, — сказала она. — Можно начать с этого.

— Не надо, — сказала Вивиан. — Просто читайте.

Над камином щёлкнул металл: система отопления проснулась после паузы. Мара подумала, что этот звук придётся убрать, если он попал на тихое начало. И сразу разозлилась на себя за привычку работать раньше, чем закончился разговор.

— «Тебя найдут в нижнем саду», — прочёл Грэм.

Тесс перестала шевелиться.

— «Ты будешь лежать у самой двери, под стеклом, куда заглядывают сверху. На третьей ступени останется одна туфля».

Он сделал паузу. Дэниел повернулся к матери, но Вивиан смотрела на Тесс.

— Это моё, — сказала Тесс.

Грэм не расслышал или принял её слова за согласие продолжать.

— «На лице у тебя будет кровь. Кто-нибудь обязательно скажет, что тебе не следовало идти туда одной…»

— Остановитесь, — сказала Мара.

Грэм поднял глаза. Тесс уже стояла.

— Ты не имела права.

— Тесс, — начала Вивиан.

— Я написала тебе. Не им.

Мара встала между камерой и креслом, не заслоняя проход.

— Мы прерываем разговор. Грэм, положите, пожалуйста, листы. Не читайте дальше.

Он опустил руки, но бумагу не выпустил. На втором листе Мара увидела короткую строку, отделённую от остального текста большим пробелом. Прочитать её с этого расстояния было невозможно.

— Это упражнение, — сказала Вивиан. — Никто никому не угрожает.

— Вы сказали, что написали письмо сами.

Вивиан впервые отвела взгляд от Тесс.

— Я сказала, что отвечаю за эти слова.

— Вы ответили «да», когда я спросила об авторстве.

— Мара, не превращайте это в спор о формулировках.

За её спиной Селия тихо произнесла:

— Ты опять вырезала начало.

— И своё объяснение ты принесёшь сама, — ответила Вивиан. — В понедельник. Я больше не буду подписывать, что разрешила тебе то, о чём узнала потом.

Селия убрала руку от лица.

— Мы сейчас не об этом.

— Это ты сейчас не об этом.

Мара подняла ладонь, прося подождать. Ещё горел красный значок на экране камеры. Селия заметила, куда она посмотрела, и повернулась так, что оказалась к объективу боком.

— Вы собираетесь оставить и это? — спросила она.

— Я сейчас останавливаю встречу.

— Я спрашиваю не о встрече.

Вивиан повернулась к дочери.

— Если ты хочешь объяснить, у тебя есть возможность.

Селия приоткрыла рот. Мара ждала, что она откажется или потребует убрать последние слова, но та посмотрела на Тесс и промолчала. Тесс стояла возле своего стула. Её письмо всё ещё было у Грэма.

Оуэн взял Селию за запястье, но она освободила руку без рывка, почти бережно.

— Я хочу получить бумагу, — сказала Тесс.

Грэм сделал движение к ней. Вивиан подняла ладонь.

— Это экземпляр моего архива.

— Ты напечатала моё письмо.

— Выключите камеру, — сказала Селия.

Мара подошла к штативу, остановила запись, затем отключила рекордер. Назвала вслух время, хотя уже не записывала его. Ей нужно было, чтобы все слышали: разговор больше не фиксируется.

— Камера и звук выключены.

Дэниел встал. Стул за ним ударил о стену. Он извинился — у стены, у человека рядом, у всех сразу — и направился к двери. Леон поднялся, пропуская его.

— Никто не обязан оставаться, — сказала Мара. — Я не буду возобновлять церемонию сегодня.

Вивиан вцепилась пальцами в край подлокотника.

— Вы не можете решить это за меня.

— Я могу решить, веду ли я её дальше.

Дэниел остановился в дверях. Тесс всё ещё стояла возле своего стула. Хелен наклонилась поднять коробку, которая съехала набок, когда Тесс встала. Из-под крышки выскользнула фотография и легла лицом вниз.

— Не надо, — сказала Тесс.

Хелен отдёрнула руку.

Мара опустилась, подняла снимок за край и протянула Тесс, не переворачивая. Та взяла его двумя пальцами, как чужую мокрую вещь.

— Там должно быть начало, — сказала она Маре.

— Я понимаю, что текст ваш. Вы не давали разрешения читать его здесь?

— Нет. Я думала, она хочет поговорить. Я думала…

Тесс посмотрела на Вивиан и не закончила.

— Я действительно хочу поговорить, — сказала та. — Но нельзя требовать, чтобы я отвечала на письмо, которого никто не слышал.

Оуэн выступил вперёд.

— Сейчас лучше всем сделать перерыв.

— Я хочу листы, — повторила Тесс.

Грэм прижал листы к груди. Он больше не смотрел на Вивиан. Мара подумала, что без этих листов ему и самому будет трудно объяснить, почему он произнёс такие слова.

— Я никому их пока не передам, — сказал он. — Простите. Я не уверен, что должен.

— Это не ваши слова.

— Знаю. Теперь знаю.

Мара предложила Тесс пройти в комнату рядом. Та покачала головой.

— Мне надо на воздух.

Леон показал дверь на террасу. Тесс забрала коробку и пошла туда. Хелен последовала за ней, но остановилась у порога, спросив, можно ли. Ответа Мара не расслышала. Хелен осталась в комнате.

Гости двигались тихо, будто после того, что случилось, стало неудобно производить обычные звуки. Оуэн о чём-то говорил с Грэмом. Дэниел наконец вышел в коридор. Селия подобрала упавшую карточку и положила в ящик к неиспользованным.

Вивиан сидела всё так же прямо. Птица на столике возле неё слегка покачивалась: кто-то задел ножку стола. Мара придержала стекло, чтобы оно не упало.

— Мне очень жаль, — сказала Вивиан.

Мара посмотрела на неё.

— Кому вы это говорите?

Вивиан сжала губы. Потом повернулась к Хелен.

— Пусть принесут кофе. Раз уж мы все здесь.

Хелен не двинулась.

Мара отсоединила кабель от камеры. Руки работали сами, и это мешало думать. Она помнила первые строки почти дословно, но уже не была уверена, сказал ли Грэм «у двери» или «возле двери». Сомнение казалось неуместным: прошло меньше пяти минут.

Селия подошла ближе.

— Я предупреждала, что нельзя так монтировать, — сказала она.

— Вы знали, что в письме?

— Я знала, что мама собирается вырезать всё, где придётся слушать кого-то ещё.

— Вы знали этот текст?

Селия посмотрела в объектив выключенной камеры. В её отражении на стекле было видно только половину лица.

— Я видела письмо, — ответила она. — Полное. Я думала, вы тоже.

Мара достала из сумки подписанный лист. Селия прочла первую строку, дальше не стала.

— Конечно, — сказала она.

В голосе не было торжества. Только усталость, которую Мара узнала слишком быстро и потому не захотела ей доверять.

За террасной дверью Тесс стояла спиной к дому. Она открыла коробку с фотографиями и придерживала крышку локтем, чтобы её не унёс ветер. Из комнаты казалось, что она перебирает снимки. Потом Мара поняла: Тесс пыталась вложить обратно один-единственный, который всё время цеплялся уголком за картон.

Глава 5. Без записи

— Я хочу, чтобы вы удалили это, — сказала Вивиан.

Она подошла, когда Мара уже сняла камеру со штатива. Рекордер лежал на столе рядом с папкой согласий. На его тёмном экране отражалась лампа.

— Нет.

Вивиан посмотрела на устройство.

— Я не разрешаю использовать запись.

— Я не собираюсь её использовать. Сейчас прозвучала угроза, и возник спор о том, чьи слова были прочитаны. Я сохраню материал.

— Тесс не угрожала мне.

— Тогда сохранённый разговор поможет это установить.

— Вы намерены обратиться в полицию?

Мара поставила камеру в формованное углубление кейса.

— Я собираюсь поговорить с Тесс. И понять, что здесь произошло.

— Но сначала вы вынесли приговор.

— Я выключила камеру.

Вивиан коснулась застёжки кейса. Мара не закрывала его, пока рука лежала на краю.

— В договоре говорится о праве отозвать согласие.

— Вы отозвали. Я зафиксирую. Это не означает, что сейчас я уничтожу материал по требованию одного участника.

Вивиан убрала руку.

— Мне следовало пригласить нотариуса.

— Возможно.

Хозяйка ушла к двери, не возразив. Это беспокоило сильнее спора.

Селия стояла у консоли. В ящик с карточками она положила и свою, но не закрыла его: край бумаги застрял под направляющей. Селия толкнула сильнее, потом вытащила карточку и оставила сверху.

— Кто будет смотреть материал? — спросила она.

— Сейчас никто. Я не начала монтаж.

— Я не про сейчас. Вы работаете одна?

Мара взяла рекордер, проверила, выключен ли он, и положила в соседнее углубление. Ей не нравилось, что приходится отвечать, держа в руках чужие голоса.

— Со мной работает монтажёр. Доступ ограничен. Сегодня я уже сказала: никакого фильма не будет.

— Сегодня вы сказали, что не будете продолжать встречу.

Селия была права. Мара закрыла внутреннюю перегородку кейса.

— Мы отдельно решим, что делать с материалом. Я не дам его вашей матери для самостоятельного монтажа.

— Вы сможете ей отказать?

— Только что отказала.

Селия посмотрела на дверь, за которой исчезла Вивиан.

— Она не просит целиком. Ей нужен один кусок. Где Дэн говорит про птицу. Где я не возражаю. Потом все помнят этот кусок.

— Вы возразили.

— Вы слышали, как я возражала. А она сказала, что мы понимали просьбы по-своему. Это и останется.

Мара вспомнила взгляд Вивиан в объектив. Тогда она приняла его за неловкость человека, который внезапно заметил камеру. Сейчас этот взгляд приобрёл ещё одно возможное объяснение.

— Я не могу обещать, что люди запомнят, — сказала она. — Могу сохранить разговор целиком.

— Вы и в прошлый раз сохраняли.

В комнате стало слышно, как Грэм шуршит листами. Селия опустила глаза первой.

— Простите. Я не знаю, что вы тогда делали.

Мара не ответила. Ей хотелось потребовать, чтобы Селия сначала узнала, а потом говорила. Но только что она сама предложила полную сохранность как достаточный ответ человеку, которого не устраивало именно то, как прозвучавшее можно использовать.

Из коридора Вивиан позвала дочь. Селия не пошла сразу. Взяла со спинки стула материнский платок, сложила и понесла к двери.

— И не называйте меня заказчицей, — сказала она через плечо. — Это её заказ.

Мара защёлкнула кейс и взяла его за ручку. В передней Оуэн снял со стойки чьё-то пальто, чтобы достать своё, и вернул оба на место. Мимо него было не пройти, пока он не отступит. Она подождала. Он увидел кейс.

— Вивиан в кабинете, — сказал он.

— Я иду к машине.

Оуэн сделал ровно один шаг в сторону. Мара увидела за ним козырёк и мокрый край парковки. Над ступеньками зажёгся свет. Снаружи Дэниел, прикрывая ладонью сигарету, пытался расстегнуть куртку.

Из гостиной вышла Хелен. Она держала коробку Тесс, прижав крышку к дну.

— Коробка промокла с угла, — сказала она. — Куда её положить?

Мара увидела, что картон на углу потемнел. Хелен хотела открыть крышку, но, заметив её взгляд, снова прижала ладонь.

— Поставьте на мой стол, — сказала Мара. — Пусть Тесс сама достанет.

— Она сказала, что вернётся. Я могу подождать с ней.

— Спасибо. Мне надо, чтобы она могла поговорить здесь до того, как остальные уедут.

Хелен повернула коробку сухой стороной к себе. Оуэн уже смотрел в сторону библиотеки. За его спиной Дэниел спустился на одну ступень и отодвинулся, освобождая проход. Мара могла бы пройти мимо него, открыть багажник и вернуться через переднюю. За эти несколько минут кто-нибудь опять решит, что разговор окончен, потому что человек с кейсом вышел из дома.

Она поставила кейс у ноги и позвала Леона. Тот пришёл из кухни, с полотенцем через плечо.

— Ваш шкаф ещё свободен?

— Да. Я принесу ключ.

— Мне минут на десять. Я заберу, когда Тесс вернётся.

— Если ей нужно посидеть, я открою маленькую комнату.

— Откройте. И скажите, что это для неё, если захочет.

Он принёс ключ на маленьком деревянном брелоке. На нём когда-то было написано название шкафа, теперь остались только две буквы. У Вивиан и Селии оставались мастер-ключи. Мара это помнила и не собиралась оставлять технику до утра. Ей нужно было на несколько минут освободить руки. Она могла взять кейс с собой на разговор и положить его между собой и Тесс. Ей представилось, как они обе будут смотреть на застёжки, ожидая, что другая попросит открыть.

— Если кто-то попросит технику, отправьте ко мне, — сказала она Леону.

Он снял полотенце с плеча.

— Я и не стал бы отдавать.

— Я про Вивиан тоже.

— Я понял, про кого вы.

Он открыл хозяйственную комнату и посторонился. Мара сама поставила кейс на полку. Штатив в сложенном виде туда не помещался, и Леон предложил оставить его снаружи.

— Я заберу всё вместе, — сказала она.

— Хорошо.

Он не спросил, почему закончили раньше. Когда Мара закрыла шкаф, подёргала дверцу и убрала ключ в боковой карман сумки, Леон только уточнил, нужны ли людям сэндвичи сейчас или позже.

— Спросите их, пожалуйста.

Он кивнул. Это был первый человек за вечер, который принял такую просьбу без паузы.

На террасе Тесс уже не было. Хелен сказала, что та ушла в переднюю умыться. Коробка стояла на столе Мары. Дэниел всё ещё курил возле машины. Грэм и Оуэн устроились в библиотеке. Бумажную речь Грэм сложил пополам и держал на колене, как временное удостоверение личности.

Мара написала Джо: «Встречу остановила. Спор об авторстве текста, возможно угроза. Ничего сегодня не монтируем. Завтра позвоню».

Ответ пришёл почти сразу: «Ты можешь уехать?».

«Да».

Мара уже положила телефон в карман, когда пришло второе сообщение: «Тогда уезжай».

Она стояла возле выхода с сумкой на плече. До машины было тридцать шагов. Кейс можно забрать за две минуты. После остановки церемонии она могла уехать до ужина. Если Вивиан потребует вернуть плату за оставшиеся часы, Мара вернёт.

Из кабинета вышла Вивиан.

— Прежде чем уедете, посмотрите кое-что.

— Не сейчас.

— Это ваша работа. Старая.

Мара опустила сумку.

Вивиан не стала касаться её локтя, не взяла за руку. Только подождала, пока Мара сама войдёт в кабинет. На столе лежала раскрытая папка с прозрачной обложкой. Маре был знаком шрифт: когда-то она выбирала его для всех расшифровок, потому что в нём хорошо различались единица и прописная латинская I.

— Откуда это? — спросила она.

— Из нашего архива.

— Зачем вы достали?

— Тесс задаёт вопросы. Я подумала, стоит посмотреть, что у нас осталось. Садитесь.

Мара осталась стоять и перевернула первую страницу.

«Беседа с Хелен Уорд. Частная запись. Для семейной истории».

Внизу были инициалы Мары и дата. Через три дня после смерти Роуз.

Слова казались знакомыми, но не настолько, чтобы она смогла продолжить предложение, не прочитав. За двадцать лет память превратила три страницы в одну фразу. Всё остальное было теснее, неуклюжее, человечнее, чем она помнила.

Хелен рассказывала, как оставила на кухне тарелку с разрезанным персиком. Зачем-то объясняла, что собиралась съесть его сама, а не отнести Роуз. Мара сохранила это уточнение. Сохранила вопрос про свет в нижнем коридоре. Убрала обе фразы о том, что уже позвонили.

Она дочитала до конца.

— Где исходная запись?

— Леон поищет коробку. У нас было несколько переездов архива.

— Она здесь?

— Не знаю. Возможно.

Мара посмотрела на пустую строку после последних слов Хелен. Тогда она всегда оставляла внизу место для замечаний. Так научил старший редактор на первой практике: нельзя прижимать голос к краю страницы.

— Я бы хотела копию.

— Конечно.

Вивиан села по другую сторону стола. Вместо ожидаемого спора откинула голову и закрыла глаза. Маре на секунду стало видно, насколько она устала. У рта осталась маленькая белая полоска сухой кожи. Вивиан открыла ящик, достала тюбик крема, выдавила каплю на палец и начала медленно растирать по костяшкам.

— Мы не знали, как разговаривать с людьми после такого, — сказала она. — Все ожидали слов. Я не могла просто закрыть дверь.

— Вы могли оставить то, что они говорили.

— Люди в горе говорят многое. Иногда противоречат себе в одном предложении. Вы это знаете.

— Я знаю, что нельзя выбирать за них, какое из двух предложений правдивое.

Вивиан посмотрела на папку.

— Сейчас знаете.

Мара не ответила.

— Не думайте, что я хочу вас в чём-то обвинить. Вы были ребёнком.

— Мне было девятнадцать.

— Именно.

— Я могла отказаться.

— Наверное. Вы отказались?

В коридоре прошли шаги. Кто-то остановился возле двери, потом пошёл дальше. Мара услышала собственное дыхание, слишком громкое для комнаты, где ничего не происходило.

После стипендии за первый курс ей не хватало денег на общежитие. Отец сказал, что возьмёт ещё одну смену. Она сказала ему, что всё устроила, прежде чем получила подтверждение от фонда. Вивиан позвонила на следующий день. В памяти Мары эти два события никогда не составляли сделки. Она и сейчас не знала, были ли они ею для Вивиан.

— Почему вы хотите обсуждать это сегодня?

— Потому что мы двадцать лет находили причину отложить.

Это было похоже на ответ, который Тесс дала в маленькой комнате. Мара поймала себя на попытке определить, кто произнёс его первым, словно первенство могло принадлежать только одному человеку.

— Вы подготовили разговор без моего согласия, — сказала она. — И сообщили мне об этом после того, как я остановила другой.

— Я сообщила вам, что сохранился ваш текст.

— Что ещё вы сохранили?

Вивиан закончила растирать крем и закрутила крышку.

— Вы хотите, чтобы я ответила на это за двадцать минут?

Мара взяла папку, но хозяйка придержала её ладонью.

— Копию, — напомнила она. — Оригинал остаётся здесь.

До семи оставалось десять минут. Мара достала телефон, сфотографировала титульный лист и три страницы. Прежде чем снять последнюю, спросила разрешения; Вивиан кивнула. Слишком поздно Мара подумала, что сама продолжает спрашивать разрешения там, где уже могла бы просто уйти.

Она нашла Леона на кухне. Он разрезал упаковку сэндвичей. Нож был маленький, с красной пластмассовой ручкой, из тех, которыми открывают всё подряд, пока не перестают замечать, что он тупой.

— Вивиан сказала, у вас может быть старая аудиозапись Хелен. Две тысячи шестой год.

Леон перестал резать упаковку.

— Мне надо посмотреть. Я не обещаю.

— Посмотрите, пожалуйста. Я подожду.

Мара написала Джо, что остаётся из-за старого рабочего материала. Джо не ответила. Это было хуже короткого упрёка, на который можно было бы обидеться.

По дороге к террасе Мару остановила Селия. Спросила, удалось ли забрать копию интервью. Мара показала телефон, не открывая снимков.

— Леон ещё ищет исходную запись.

— Вам скоро уезжать?

— Как только он вернётся.

Селия посмотрела на сумку у неё на плече.

— А техника?

— В шкафу. Я заберу.

— Вы заперли? Там иногда не держит защёлка.

Мара достала ключ, зажатый между телефоном и ладонью.

— Заперла. Проверила.

Селия кивнула и отступила, пропуская её. На пальце у неё висело кольцо с несколькими ключами. Когда она опустила руку, длинный латунный ключ ударил по металлической накладке двери. Селия перехватила кольцо, чтобы не звенело.

— Если Леон не найдёт, не ждите его весь вечер, — сказала она. — У нас действительно много коробок.

Мара убрала свой ключ обратно. Десять минут давно прошли. Она уже задержалась у Вивиан, а теперь дала Леону ещё одну работу, чтобы он нашёл для неё то, что могло оказаться в любой из коробок. Если забрать кейс сейчас, она снова будет стоять с ним посреди дома и ждать. Можно было попросить Леона оставить поиск и уйти. Она не попросила. Из гостиной уже не было видно коробки Тесс, и Мара пошла к свету террасной двери.

На террасу Тесс вернулась без коробки. Стояла под навесом, обхватив локти. Когда Мара вышла к ней, она спросила:

— Вы записывали, что я сказала в комнате до начала?

— Нет.

— А помните?

— Что вы хотите увидеть запись полностью.

— Да. Полностью.

Мара остановилась рядом, оставив между ними место для ещё одного человека.

— Я её сохранила.

Тесс кивнула. Из окна на них падал свет. Стёкла отражали гостиную так ярко, что сад за ними почти исчез. В этом отражении Вивиан разговаривала с Селией. Мать держала дочь за запястье; та не отдёргивала руку, но стояла далеко, насколько позволял захват.

— Коробку вы забрали? — спросила Мара.

— Отнесла в машину. Хелен подложила под неё свою салфетку. Думает, я ничего не заметила.

Тесс вынула из рукава платок и провела по краю перил. На ткани остались чёрные точки. Она сложила её внутрь и снова убрала.

— Вы скоро уйдёте?

— Когда Леон вернётся. Можете уехать сейчас, если хотите.

— Я знаю, что могу. Я хочу дождаться, пока она выйдет сюда без остальных. Пусть хоть раз сама решит, что сказать.

Мара посмотрела на Вивиан. Та уже не стояла лицом к окну. Видна была рука, от которой по стеклу тянулся второй бледный контур. Мара осталась рядом с Тесс.

Тесс проследила за взглядом Мары.

— Раньше она и меня так держала. Когда спрашивала, что мне нужно.

— Вивиан?

— Она иногда правда делала то, что было нужно. В этом всё и…

Тесс не закончила. За стеклом Селия попыталась отступить. Вивиан разжала пальцы, но дочь не ушла: осталась слушать, прижав платок к боку. Мара не слышала их и не знала, продолжался ли спор о записи. Видела только, как Селия указала в сторону кабинета, а Вивиан покачала головой.

Из кармана Тесс зазвонил телефон. На экране появился снимок молодой женщины в велосипедном шлеме.

— Лив, — объяснила она и отошла к другому краю навеса.

Мара осталась возле двери. Она могла вернуться за кейсом. Могла позвонить Бену и спросить, как прошёл ужин, прослушать файл Джо, сделать любое из обычных дел, благодаря которым день снова приобрёл бы размер.

Вместо этого она открыла фотографию старой расшифровки и увеличила последнюю страницу. Под именем Хелен стояли слова «Проверено по записи». Под ними — её собственные инициалы.

Глава 6. Третья ступень

В восемь пятнадцать Мара вернулась к шкафу. По дороге она успела съесть половину сэндвича, поговорить с Хелен о том, не стоит ли отвезти Тесс домой, и выслушать Леона: коробку с плёнками он не нашёл, зато отыскал опись перенесённых материалов. Часть архива оцифровали в две тысячи девятом. Кто этим занимался, в описи не указывалось.

Мара взяла лист, чтобы не забыть названия папок, и решила уехать. Вивиан больше не выходила в гостиную. Селия сказала, что мать переодевается. Никто не предлагал возобновить церемонию, хотя Грэм всё ещё сидел в библиотеке с речью, которую так и не дочитал.

Дверца шкафа была приоткрыта.

Мара потянулась к боковому карману сумки. Деревянный брелок оставался на месте. Она достала ключ и посмотрела на полку.

Кейса не было.

Штатив стоял рядом, прислонённый к стене. На верхней полке лежали старые подставки для нот. Там, где Мара поставила кейс, остался светлый прямоугольник, проведённый по пыли резиновыми ножками.

Она вернулась на кухню.

— Леон, вы переносили оборудование?

Он вытирал стол. Рядом стояли две нетронутые тарелки с яблоками.

— Нет.

— Шкаф открыт. Кейса нет.

Леон положил полотенце на край раковины и пошёл за ней. В хозяйственной комнате он посмотрел внутрь, нагнулся и зачем-то провёл пальцем по пустой полке.

— Вы закрывали?

Мара показала ключ.

— Проверила дверцу. Вы стояли здесь.

— Помню.

Он не стал повторять вопрос. Проверил соседний шкаф, хотя там едва хватало места для ведра. Потом поднял голову.

— Возможно, Селия велела убрать в кабинет. Я спрошу.

— Давайте вместе.

Селия стояла у лестницы с телефоном. Произносила числа — спокойно, раздельно, будто диктовала человеку, который плохо слышит. Увидев Леона, подняла палец, прося подождать.

— Я на звонке с попечителями, — сказала она, прикрыв микрофон. — Что случилось?

— Вы брали кейс Мары из шкафа? — спросил Леон.

— Нет. Зачем?

— Его нет, — сказала Мара.

Селия посмотрела на неё, затем на ключ в руке.

— Мама могла попросить перенести. Её вещи уже вернули в кабинет?

— Я не знаю, — ответил Леон.

— Я спрошу, как закончу. Пожалуйста, сначала проверьте гардеробную. Иногда туда относят всё, что похоже на багаж.

Она отняла ладонь от телефона.

— Простите, это по дому. Нет, я здесь.

Мара посмотрела на часы на телефоне: восемь двадцать. Селия вошла в небольшую комнату возле кабинета и прикрыла дверь. Когда Мара приезжала накануне, там стоял стол с принтером. Дверь не имела замка.

В гардеробной кейса не было. Мара проверила под пальто, под скамьёй для обуви, за двумя дорожными сумками, явно не её. Леон пошёл к служебному входу. Уборщица ушла до приезда гостей; еду привезли уже готовую. Больше персонала в доме не оставалось.

У служебного входа нашёлся ещё один чёрный чемодан. Он стоял боком к двери, и Мара сразу шагнула к нему, хотя её кейс был ниже. Леон повернул его за ручку. На крышке белыми буквами было написано название швейной машины.

— Не этот, — сказала Мара.

— Я вижу.

Они оба отпустили ручку.

Рядом с дверью на крючках висели три связки ключей. Мара спросила, какой открывает шкаф. Леон не стал трогать их.

— Здесь от сарая, от ворот. Мастер-ключи у семьи, не на стене.

— Вы их брали сегодня?

— Мне свой дали. Тот, который у вас.

Он посмотрел на ключ в её руке и, видимо, только теперь понял, что вопрос относится и к нему.

— Я камеру не трогал.

— Я спрашиваю про ключи.

— Да. Нет, мастер-ключи не брал.

Мара убрала свой в боковой карман. Сразу возникло желание вынуть и ещё раз удостовериться, что он на месте. Теперь его сохранность ничего не объясняла.

На кухне остывал кофе. Из библиотеки доносился голос Оуэна. Дом продолжал жить так, будто пропавшее оборудование было вещью, которую она сама положила не туда. Ей захотелось громко повторить слово «заперто».

— К служебному входу кто-нибудь подъезжал? — спросила она.

— Я не стоял здесь весь вечер.

— Я понимаю. Я спрашиваю, что вы видели.

Леон провёл рукой по затылку.

— Сэндвичи привезли раньше. Пока вы устанавливали. Потом не видел.

На полу возле порога стояли его мокрые ботинки. Он переобулся в старые домашние туфли, у одной разошёлся боковой шов. Мара поняла, что смотрит на них, как будто обувь может ответить, куда он ходил, и подняла глаза.

— Не надо мне показывать весь дом, — сказала она. — Проверьте, пожалуйста, те места, куда действительно могли убрать вещь. Я спрошу остальных. Если никто её не переносил, я сообщу о пропаже.

— Сейчас?

— Сегодня. Я не оставлю это до утра.

Леон кивнул. Он не предложил сначала спросить Вивиан разрешения. Мара благодарно заметила это и сразу рассердилась: ещё несколько часов назад ей не требовалось быть благодарной за такую мелочь.

Она вернулась в библиотеку.

— Кто-нибудь видел мой чёрный кейс? С синей полосой на ручке, надпись Reply.

Грэм поднялся.

— Когда?

— После того, как я убрала его в шкаф. Где-то после половины седьмого.

— Я не выходил отсюда, кроме кухни.

Оуэн тоже встал, хотя не собирался никуда идти.

— Что в нём?

— Камера и рекордер.

Он посмотрел на Грэма, потом на пустые руки Мары.

— С записью?

— Да.

Грэм положил сложенные листы на стол, как будто они внезапно стали тяжелее.

— Я свою бумагу не отдам, — сказал он. — Только полиции. Сразу говорю.

— Я её не прошу.

— Знаю. Просто говорю.

Оуэн подошёл к двери и закрыл её. В библиотеке стало так тихо, что Мара услышала, как Грэм сложил листы ещё раз.

— Сколько человек знали, что это там? — спросил он.

— Не знаю.

— Хорошо. Сначала нужно посмотреть, что кто увозит. Пока все здесь.

Он обвёл взглядом комнату, словно сумки уже принесли и осталось решить, с какой начать. Грэм взял листы со стола.

— У меня можете посмотреть, — сказал он. — Только вы лично ничего не получите.

— Я не о вашей бумаге, Грэм.

Мара открыла дверь. За ней стояла Тесс. Она держала пальто на согнутой руке и смотрела прямо на Оуэна.

— Я ничего не хочу у вас проверять, — сказала ей Мара.

— Я слышала. Он хочет.

Оуэн не вышел из комнаты.

— Если все согласятся, это займёт минуту.

Тесс сняла пальто с руки и надела. Подкладка завернулась у запястья. Она долго поправляла её, хотя с другой стороны уже застегнула пуговицу.

— Тогда начните с тех, кто согласился.

Она отошла к гардеробной. Мара не пошла следом. Ей хотелось позвать её обратно, сказать сразу всё: она сама оставила кейс, сама задержалась, сама не видела, кто взял. Но Тесс спрашивала её о записи, а отвечать за запись теперь предлагали человеку, который собрался домой.

— Не просите никого открывать сумку от моего имени, — сказала Мара Оуэну.

Оуэн отступил от двери. Мара придержала её, пока Грэм не вышел. Тот понёс листы с собой.

Из коридора заглянула Хелен. Услышав про кейс, спросила, не проверяли ли машину. Мара объяснила, что не относила его туда, но всё равно вышла к парковке.

В её машине лежала сумка с запасным кабелем, складной зонт, упаковка салфеток. Багажник был пуст, кроме коврика и Адиного ролика, пропавшего в сентябре. Мара посмотрела на белое пластиковое колесо и ощутила неуместное облегчение: хотя бы что-то нашлось.

Дэниел подошёл от своей машины.

— Помочь?

Она рассказала. Он перестал улыбаться.

— Мама просила удалить?

— Да.

— Вы удалили?

— Нет.

Дэниел сунул руки в карманы. Из одного донёсся короткий сигнал. Он вынул телефон, посмотрел на экран и убрал, не ответив.

— Я спрошу её.

— Я хочу спросить сама.

— Тогда я пойду с вами.

Он двигался быстрее, чем раньше, и не пытался заполнить молчание. В доме они встретили Тесс. Она искала Хелен: собиралась уехать, но та обещала показать лекарство от кашля для Лив, у которой никак не проходила простуда. Мара сказала, что Хелен была возле библиотеки.

Тесс посмотрела на открытый багажник через дверь.

— Вы уже забрали запись?

Мара не сразу ответила. Этого оказалось достаточно.

— Что? — спросила Тесс.

— Я не могу найти кейс. Он был в запертом шкафу.

Тесс посмотрела на библиотеку.

— Тогда вы могли сказать мне там.

Мара увидела, что держит автомобильный ключ так, будто собирается снова открыть уже открытый багажник.

— Могла. Я всё ещё надеялась, что мне скажут, куда его переставили.

Тесс сжала ручку пакета.

— Конечно.

— Я его найду.

— Не обещайте мне этого.

Мара почувствовала, как кровь приливает к лицу. Тесс была права. В обещании не было ничего, кроме желания немедленно исправить то, что уже случилось.

Дэниел пошёл к кабинету. Вивиан там не оказалось. В кресле возле стола лежал серый пиджак, на столе стояла чашка. Дэниел заглянул в комнату с принтером и вышел, приложив палец к губам — не для Мары, а будто повторяя полученный знак.

— Заканчивает, — сказал он.

На часах было восемь тридцать восемь.

Мара набрала номер Вивиан. В кабинете завибрировал телефон, лежавший под раскрытой папкой. Дэниел поднял её край. На экране светилось имя Мары.

— Она иногда оставляет, — сказал он. — Я проверю наверху.

Мара нашла Леона у двери во двор. Тот уже осмотрел заднее крыльцо. Он предложил посмотреть в нижнем саду: туда могли отнести кейс, если кто-то освобождал хозяйственную комнату. В этом не было логики, и оба это понимали. Просто оставались ещё непроверенные места.

— Если Вивиан его взяла, — сказала Мара, — я позвоню в полицию. Я не собираюсь торговаться о записи.

Леон кивнул.

— Давайте сначала найдём её.

Она осталась у кабинета, чтобы поговорить с Селией, когда та закончит. Тесс вышла из передней с Хелен. Они остановились, чтобы пропустить Леона. Он прошёл по короткому коридору и открыл дверь на лестницу в сад. Петли тихо скрипнули. Хелен так и не закончила фразу, которую говорила Тесс. Из сада не доносилось никаких звуков.

Селия вышла из комнаты с принтером, опустив телефон.

— Что мама сказала?

— Мы не можем её найти.

— Она наверху.

— Дэниел проверяет.

Селия нахмурилась и провела ладонью по волосам. На манжете её светлой блузки виднелось маленькое тёмное пятно. Мара подумала о кофе: чашки стояли повсюду, никто не хотел собирать их посреди сорванного разговора.

Из короткого коридора донёсся голос Леона.

— Мара. Позвоните в скорую.

Она пошла к нему, уже доставая телефон.

— Что случилось?

— Позвоните сейчас.

У двери он стоял неподвижно. Не преграждал путь, но Мара всё же остановилась рядом, прежде чем посмотрела вниз.

В нижнем саду горел свет. Он был ярче, чем накануне, когда они осматривали запасной выход. От каждой кадки падало две тени. Возле дальней двери лежала Вивиан.

Сначала Мара увидела её ладонь. Она лежала на каменном полу внутренней стороной вверх. Манжета белой блузки сползла к локтю, обнажив пятнистое предплечье. Голова была повёрнута к двери.

На третьей ступени стояла туфля.

Не лежала боком, не застряла каблуком. Стояла носком к стене. Такая же мягкая тёмная туфля, как те, в которых Вивиан вошла в гостиную.

Мара не подумала сразу о речи. Она набрала 911 и назвала адрес. Только когда диспетчер попросил объяснить, что произошло, из памяти всплыли чужие слова: «Тебя найдут в нижнем саду».

— Женщина упала, — сказала она. — Я не знаю. Женщина лежит внизу лестницы. На лице кровь.

Она услышала собственную неточность: у двери, не внизу лестницы. Исправилась. Диспетчер задавал вопросы. Мара включила громкую связь, чтобы Леон мог отвечать вместе с ней.

Хелен появилась почти сразу. Опустилась возле Вивиан, назвала её по имени, затем ещё раз, громче. Мара спустилась на одну ступень и остановилась: ей велели оставить проход свободным. Селия стояла позади, на верхней площадке.

— Что она там делала? — спросила она.

Никто не ответил.

Хелен попросила Леона помочь. Он опустился рядом с ней. Мара оставила телефон на громкой связи возле Леона, обошла туфлю и пошла к наружной двери, чтобы бригаде не пришлось спускаться по лестнице. Ручка поддалась сразу, но створка открылась только на ширину плеча. Снаружи у стены стояла тяжёлая кадка.

Мара протиснулась во двор. Свет из сада лёг на мокрые плиты. Она ухватилась за край кадки и потянула. Земля в ней была мокрой, ручек не было. С первого раза кадка не сдвинулась. Мара присела, чтобы толкнуть снизу, и села на мокрый камень.

С лестницы донёсся голос Дэниела.

— Это мама? Там…

Мара не видела его. Она смотрела на створку и пыталась понять, можно ли ещё открыть её, если выломать ветку, которая зацепилась за ручку. Потом с другой стороны кто-то взялся за кадку.

— На меня, — сказала Тесс.

Мара подняла голову. Тесс пришла со двора, обогнув дом, всё ещё в пальто. Она держала кадку обеими руками, придерживая коленом тяжёлый бок. Они сдвинули её вместе. Ветка царапнула по дереву, створка открылась.

— С дороги эту дверь видно? — спросила Мара.

— Нет. С парковки тоже нет.

Тесс пошла обратно к углу дома. Мара хотела позвать её, попросить остаться здесь, но уже видела, как та встала на свету у поворота и вытащила телефон, чтобы освещать дорожку.

Дэниел показался на верхней площадке. Он стоял там, куда его пропустила Селия, и смотрел мимо Хелен, в сад. Мара не знала, увидел ли он лицо матери. Он не спустился. Только отступил к стене, чтобы освободить лестницу.

Первые проблески синих огней отразились в низком стекле. Тесс привела людей к открытой двери. Мара подняла руку, хотя её и так видели. Один из приехавших спросил, кто звонил. Другой прошёл мимо с сумкой и уже не смотрел ни на кого из гостей.

Когда Мара вернулась к внутренней лестнице, Хелен стояла у стены. Держала перед собой руки, не зная, куда их деть. Селия предложила ей салфетки. Хелен покачала головой.

Туфлю на третьей ступени кто-то из медиков осторожно обошёл. Мара следила за его ногой с таким напряжением, будто именно от этого зависело, что случится дальше. Леон протянул ей телефон. Она взяла его, не взглянув на экран.

Позже, когда её попросили отойти в гостиную, она посмотрела на часы. Девять ноль семь. По договору её работа закончилась семь минут назад.

Мысль была настолько отвратительной, что она чуть не произнесла её вслух — чтобы кто-то другой мог возразить, сказать, что мозг иногда цепляется за любую знакомую величину. Но рядом никого не было. Мара села на свой стул возле стены и положила телефон на колени.

На экране всё ещё был открыт вызов. Она не помнила, когда он закончился.

Глава 7. Отдельно

В гостиной переставили стулья. Не все — только два возле двери, чтобы полицейский мог сидеть напротив человека, с которым разговаривал. На месте Вивиан никто не садился. Лампа рядом с креслом продолжала гореть, освещая склеенную стеклянную птицу.

Первым Мару опросил местный офицер. Записал имя, адрес, номер телефона, попросил рассказать о находке. Пока она говорила, второй человек в форме прошёл к террасе и закрыл дверь. В стекле на секунду отразились синие огни.

— Вы её видели до этого вечером?

— Разговаривала с ней в кабинете, около семи. Позже видела с террасы, в отражении. Она была с Селией в гостиной.

— Какое из двух вы можете уточнить?

— В кабинете я снимала документы у неё на столе. Могу посмотреть. На террасе на часы не смотрела.

Офицер поднял глаза от блокнота и кивнул.

Мара открыла снимки. Отдала ему телефон, сама назвала время съёмки первого кадра: восемнадцать пятьдесят. Прежде она не замечала, что для неё вечер разделился на «до семи» и «после», а для незнакомого человека этого было недостаточно.

— Какие документы?

Она сказала о старом интервью.

Офицер посмотрел на первую фотографию, увеличил заголовок и уточнил год. Потом спросил, связана ли эта беседа с сегодняшним мероприятием. Мара ответила, что не знает, но Вивиан сама показала её после того, как встречу пришлось остановить.

— По какой причине остановить?

Так она начала рассказывать о церемонии. До этой минуты ей казалось, что все в доме уже знают, зачем они собрались. Теперь нужно было объяснить человеку с блокнотом, почему они сидели полукругом перед живой женщиной и говорили о ней так, будто её больше нет.

Офицер не улыбнулся. Только спросил, как называется услуга.

— Reply. Это название компании. Обычно я называю встречу разговором при жизни.

— А сегодня её как называли?

Мара посмотрела на карточки в ящике консоли. Он был немного выдвинут; из щели виднелся кремовый край.

— Вивиан называла своими похоронами.

Он попросил повторить.

Когда офицер ушёл, Оуэн забрал с подоконника пустую программу и перевернул её. На обороте он уже написал семь имён. Некоторые были с фамилиями, некоторые без. Внизу осталось место для одной строки.

— Как пишется ваша фамилия? — спросил он.

Мара назвала по буквам. Оуэн записал и провёл черту между её именем и остальными.

— Мне нужно объяснить, кто отвечал за вечер. Люди спрашивают, можно ли ехать. Я попробую выяснить сразу за всех.

— Спросить можете. Только не говорите за меня, что происходило.

— Я и не собираюсь. Что вы считаете своей частью?

Она не поняла вопроса. Он постучал концом ручки по черте.

— До какого момента вы проводили встречу?

Тут ответ у неё был. Она видела красный значок и собственную руку на штативе. Но Оуэн поднял глаза, прежде чем она успела назвать момент, и Мара поняла, зачем он провёл

черту. После неё всё, что случилось в доме, можно было вернуть людям, которые жили в нём. До неё оставалась приглашённая женщина с камерой.

— Я остановила запись и сказала, что продолжения не будет. Остальное расскажу тому, кто будет меня спрашивать.

Оуэн сложил программу пополам. Край её имени остался виден возле сгиба.

— Если вам придётся остаться, я могу попросить принести воды.

— Вода здесь.

Она показала на стакан. Он кивнул и вышел. Через минуту в коридоре Мара услышала, как он спрашивает, кто может сказать Хелен, где её пальто. Ни одного имени с оборота программы он при ней так и не прочёл.

Позже Мару проводили в маленькую комнату возле передней. Здесь не было ни оборудования, ни карточек, только стол и два кресла. На столе лежала её форма, которую подписала Тесс. Мара узнала наклонный прочерк в пункте о публикации и убрала руку, уже протянутую к бумаге.

— Лучше пока ничего не переносить, — сказал офицер.

— Я понимаю.

Она села на стул у стены. В отражении окна был виден её живот, сжатый ремнём сумки. Она сняла сумку, поставила рядом. Потом снова подняла: в боковом кармане оставался ключ от шкафа.

В коридоре заговорила Хелен. Мара различила только «я не смотрела на часы» и «нет, я не могу сказать». Кто-то ответил тихо. Следом прошли двое, неся металлический ящик. Она отвернулась к столу, хотя никакого запрета смотреть не было.

Ближе к одиннадцати ей сообщили, что Вивиан умерла. Не теми словами, которыми обычно сообщали о смерти в домах, где Мара потом помогала разобрать записи. Человек у двери произнёс имя полностью и сказал, что у него будет ещё несколько вопросов.

Она знала это с минуты, когда увидела Хелен у стены в саду. Всё равно, услышав, придвинула стул ближе к столу — словно для важного разговора требовалось сначала правильно сесть.

Ей разрешили позвонить. Она выбрала Бена.

— Ада спит? — спросила Мара.

— Читает. Что у тебя с голосом?

— На работе умер человек. Я пока не могу уехать.

Он не спросил, почему это так неожиданно для её работы. Ему не нужно было объяснять разницу.

— Ты ранена?

— Нет.

— Тебе приехать помочь?

Мара посмотрела на сумку, на мокрый край брюк, на белую бумагу, оставленную на столе другим человеком.

— Не сейчас. Я не знаю, сколько это займёт. Скажи Аде, что всё нормально.

Бен помолчал.

— Всё нормально?

— Нет. Скажи, что я цела. И позвоню утром.

— Хорошо.

Ему было достаточно поправки. Это едва не заставило её заплакать.

Женщина, вошедшая после звонка, представилась Ниной Серрано и показала удостоверение. На ней были тёмные брюки, куртка, под которой виднелась простая рубашка, и ботинки со следами мокрой земли. Она сказала, что работает в подразделении полиции штата при окружной прокуратуре и что местные офицеры уже передали ей первые сведения.

— Мне нужно поговорить о встрече до смерти миссис Харроу, — сказала она. — Начнём с того, как вы получили заказ.

Мара достала телефон, но Серрано попросила сначала рассказать своими словами.

Она рассказала. О письме помощницы, о звонке, семи гостях, закрытом тексте, подтверждении авторства. На этом месте Серрано остановила её.

— Она утверждала, что написала речь?

— Да. Я спросила прямо. У меня есть её письменное подтверждение. В сумке.

Мара расстегнула наружный карман сумки, дождалась кивка и достала подписанный лист. На сгибе осталась светлая полоска. Она разгладила бумагу и положила её на стол.

Серрано прочла, не комментируя.

— Вы видели текст до начала?

— Нет.

— А человек, который его читал?

— Насколько я знаю, нет. Он получил конверт в комнате.

— Точное время чтения?

Мара закрыла глаза.

— Я посмотрела на часы перед ним. Прошло тринадцать минут от начала. Мы начали без четверти шесть. Значит, приблизительно пять пятьдесят восемь. Но лучше проверить по записи.

Серрано подняла взгляд.

— Которой сейчас у вас нет.

— Да.

Мара рассказала о шкафе, ключе, мастер-ключах, поисках. Впервые, произнося всё подряд, она услышала, как это выглядит: после угрозы она убрала единственную запись в чужой шкаф, а сама пошла обсуждать собственное прошлое с заказчицей.

— Почему вы не отвезли оборудование в машину?

— Я собиралась подождать Тесс. Думала, это займёт десять минут. Потом Вивиан показала мне старую работу, а я попросила Леона поискать исходную запись.

Серрано перестала писать.

— Вы могли забрать кейс и остаться?

— Да.

Из соседней комнаты переставили стул. Мара дождалась, пока ножки перестанут скрести по полу. Вопрос от этого не изменился.

— Я знала, что у обеих есть мастер-ключи. Решила, что если кому-нибудь понадобится запись, он спросит меня. Я даже попросила Леона отправлять ко мне всех, кто придёт за ней.

— Вы знаете, приходил ли кто-нибудь?

— Нет. Я попросила его поискать старую запись. Потом он сказал, что её не нашёл.

— Кто знал, где оно?

— Леон видел, как я ставила кейс на полку. Вивиан знала про шкаф, но в комнате тогда не была. Накануне Леон сказал, что у Вивиан и Селии есть мастер-ключи. Селии я сама сказала после разговора с Вивиан, что техника в шкафу. Она спросила, заперла ли я его, потому что там иногда не держится защёлка. У неё была связка, но я не знаю, какие ключи на ней висели. Кто ещё видел, как мы уносили кейс, я не помню.

Серрано сделала пометку.

Мара достала брелок и положила на свободный край стола. Дерево на нём было светлым с одной стороны, там, где его много лет держали большим пальцем. Она не хотела класть его на бумагу с подписью Вивиан. Бумага ещё относилась к работе, которую Мара могла объяснить. Ключ остался от решения, которое она приняла меньше чем за минуту.

— Это он? — спросила Серрано.

— Да. Леон дал мне его. Я пользовалась им, когда закрывала шкаф. Когда вернулась, дверца уже была приоткрыта.

— Оставьте его здесь. Я попрошу коллегу принять вместе с бумагами.

Мара убрала руку со стола. До этой минуты она зачем-то считала, что должна вернуть ключ Леону.

— Кто просил удалить материал?

— Вивиан.

— Кто-нибудь ещё?

— Селия просила выключить камеру. Это не то же самое. Удалить — только Вивиан, лично мне.

Женщина снова кивнула, без похвалы за точность. Маре этого и не хотелось. Хуже было бы, если бы Серрано начала успокаивать её раньше, чем узнала, о чём приходится говорить.

— Кроме письма было что-нибудь, что вы считаете важным сохранить? — спросила Серрано.

— Вивиан сказала дочери, что больше не будет подписывать разрешения на то, о чём узнала позже. Упомянула понедельник. Я не знаю, к чему это относилось. Селия спросила, оставлю ли я это на записи.

— До того, как вы остановили запись?

— Да. Я ещё не выключила устройства. Я запишу, какие слова помню, но не смогу обещать точную цитату целиком.

Серрано уточнила, слышали ли обмен остальные. Мара назвала тех, кого видела рядом, и отдельно сказала, что за их вниманием не следила.

— Что именно прозвучало в тексте?

Мара повторила строки про сад, стекло, туфлю. Сказала, что не уверена в предлогах и не помнит, было ли слово «обязательно» перед фразой про одиночество. Серрано не стала заставлять её выбрать.

— Сколько этого вы успели обсудить с другими после находки?

— Нисколько. Кажется. Дэниел спросил… Я не помню, что он спросил наверху. Это не о речи. Тесс спросила про кейс до того, как нашли Вивиан.

Серрано подождала.

— Я не знаю, — сказала Мара. — Мне нужно подумать, прежде чем отвечать о разговорах после сада.

— Хорошо. Пока не заполняйте то, в чём не уверены.

Из коридора донёсся чей-то телефонный сигнал. Мара машинально посмотрела на свой экран. Джо написала три раза. Последнее сообщение было коротким: «Ответь хоть точкой».

— Можно?

Серрано кивнула. Мара написала: «Я цела. Здесь полиция. Позвоню, когда смогу».

— И ещё кое-что, — сказала она, не убирая телефон. — Я раньше работала на фонд. Тем летом, когда погибла Роуз Дайер. Поэтому Вивиан меня и выбрала. По крайней мере, это одна из причин.

— Вы уже говорили коллеге.

— Не всё. Я редактировала частное интервью Хелен после смерти Роуз. Не полицейские показания. Семейную запись.

Серрано отложила ручку.

— Почему вы хотите сказать об этом сейчас?

Мара посмотрела на документ с подписью Вивиан. Тонкая наклонная линия под словом «автор» казалась почти такой же, как на старых письмах о стипендии.

— Потому что сегодня она показала мне мою расшифровку. И потому что я убрала из неё сомнение, которое должно было остаться.

— Какое сомнение?

Мара повторила две фразы Хелен. Одну из памяти, другую с фотографии. Серрано попросила прислать снимки установленным способом; объяснила, что документы и оборудование будут искать отдельно и что исчезнувшая камера не отменяет остальные сведения.

— Вы думали, без записи ничего нельзя восстановить? — спросила она.

Мара хотела сказать нет. Ведь она понимала, как работают интервью, что остаются письма, звонки, бумага. Но всю последнюю часть вечера думала именно так: всё, что произошло, существовало только в кейсе, который она не уберегла.

— Мне хотелось иметь хотя бы одну вещь, в которой я уверена, — ответила она.

Серрано не записала эту фразу сразу. Спросила, может ли у Мары сохраниться исходная беседа Хелен или копия старого рабочего архива.

— Возможно. Я ничего не выбрасываю, если не уверена, что имею право. Там могут быть старые диски. Но я не обещаю, что смогу их прочитать.

— Не пытайтесь что-то исправлять в файлах. Сохраните то, что есть. Мы ещё обсудим, как получить материал.

Мара кивнула.

Когда Серрано вышла, она осталась одна ещё почти час. Не заполняла его сообщениями. Открыла заметку на телефоне и написала то, что помнила о последовательности вечера, отмечая места, в которых сомневалась. Сначала всё время возвращалась к фразам. Потом заставила себя записать и действия: кто стоял, кто сидел, когда выключила рекордер, где положила ключ.

Последняя строка выглядела просто: «Я решила остаться».

Она перечитала и не добавила объяснения.

Глава 8. Чья фраза

До дома Мара доехала после двух. Трижды проехала мимо поворотов, которые предлагал телефон. Он искал дорогу покороче, а руки вели по привычной. Возле квартиры она ещё минуту сидела в машине, держась за руль. Без кейса не требовалось возвращаться к багажнику. Вся работа поместилась в сумке на соседнем сиденье.

Она сняла обувь, оставила свет в прихожей и сразу позвонила Бену, хотя он просил написать, если будет поздно. Он ответил после первого сигнала.

— Ты дома?

— Да.

— Поешь что-нибудь.

Она посмотрела на кухонный стол. В вазе лежали две мандариновые корки, оставленные Адой ещё в четверг. Мара обещала убрать, когда вернётся, и забыла.

— Да.

— Это второе «да», которое ничего не значит. Хлеб в морозилке. Или у тебя есть яйца.

Его практичность раздражала её только тогда, когда могла помочь. Сейчас Мара достала хлеб.

— Ты можешь побыть на линии?

Он остался, пока она ставила тосты и меняла испачканную одежду. Не спрашивал, как умерла Вивиан. Мара не знала, смогла бы объяснить.

Спала она три с половиной часа. Проснулась от того, что в голове кто-то называл адрес дома, снова и снова, без ошибки в индексе. За окном было светло. На телефоне лежало сообщение Серрано с просьбой связаться утром и письмо от незнакомого журналиста.

Журналист спрашивал, подтверждает ли она, что проводила у Вивиан Харроу «предварительную поминальную церемонию». Последние два слова были взяты в кавычки. Таких слов на сайте Reply не было. Мара перечитала письмо и не ответила.

Внизу заработали тормоза мусоровоза. На кухне пахло вчерашним тостом. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять: это не запах, а чёрная крошка в тарелке, на которую она смотрит.

Серрано не попросила немедленно приехать. Договорилась о времени, сказала, какие документы принести, и уточнила, сохранила ли Мара свои ночные заметки. Да, сохранила. Нет, не дополняла после сна. Мара почти стёрла две строки, которые утром показались слишком неуверенными, но передумала.

В приёмной полицейского здания пахло кофе из автомата и чем-то сладким, разогретым в микроволновке. Здесь было меньше тишины, чем в Нижнем доме, и это помогало. Кто-то спорил о парковочном талоне, у стойки подросток в большой куртке не мог назвать номер телефона матери. Жизнь не оставляла отдельного помещения для самого худшего из того, что происходило с человеком.

Мара передала копии договора, формы согласий, переписку о встрече. Оригинал подтверждения Вивиан уже оставался у следствия; ей выдали сведения о передаче. Она поймала себя на том, что хочет аккуратно разложить всё по датам вместо сотрудника, и отодвинула руки от стола.

Серрано пришла с папкой.

— Вы сказали вчера, что мистер Холт сохранил текст. Мы его получили.

Мара почувствовала такое облегчение, что пришлось опереться ладонью о стул.

— Там есть начало?

— Что вы называете началом?

— Тесс сказала, что там должно быть начало. Про то, что его вырезали, сказала Селия.

Серрано попросила повторить, кто, когда и что именно сказал. Мара нашла в ночной заметке строку про Селию. После неё стоял вопросительный знак: «вырезала начало» или «опять вырезала начало». Она помнила «опять», но записала оба варианта.

— Не выбирайте сейчас только потому, что один вариант кажется важнее, — сказала Серрано.

— Я понимаю.

Она понимала это слишком хорошо. Именно так одна версия старой беседы когда-то стала у неё окончательной.

Сначала Серрано попросила ещё раз воспроизвести услышанное без подсказок. Мара сделала это, почти совпав со своей ночной записью. Потом ей показали копию листов, которые отдал Грэм.

В верхнем углу первого стоял номер «2».

Мара посмотрела на Серрано, но та не стала комментировать.

Текст начинался строкой о нижнем саде. В конце фразы про туфлю не было точки с запятой, которую Мара мысленно расставила ночью, пытаясь понять интонацию. Дальше шли слова про кровь и одиночество. Затем то, чего она уже не слышала:

«Они скажут, что не могут знать, как всё произошло. Поговорят о мокром камне. О твоём возрасте. О том, что следует быть осторожнее. Я буду знать, что ты не упала сама. Но если я не смогу этого доказать, мой голос останется только голосом сестры».

На втором листе, под номером «3», было ещё два абзаца. Вивиан не убрала слово «сестры». Возможно, рассчитывала, что именно оно заставит Тесс заговорить. Возможно, не прочитала сокращение внимательно. Мара остановила себя: ни одна из догадок не была воспоминанием.

— Это писала не она, — сказала Мара.

— Кто именно?

— Вивиан. Тесс заявила об авторстве вчера. А здесь… Здесь написано от лица сестры. В экземпляре Грэма это есть. Он просто не дошёл до этого места.

Она отодвинула копию. Её злило, что привычка видеть структуру текста продолжала работать так чисто, когда всё остальное давалось с трудом.

— Вы разговаривали с мисс Дайер после того, как уехали из дома?

— Нет.

— Если она пришлёт вам исходный текст или другие материалы, сохраните сообщения вместе с ними. Мне нужно знать, что и от кого вы получили.

Мара кивнула.

— Вы считаете, кто-то сделал это по письму?

Серрано убрала копии в папку.

— Я рассматриваю обстоятельства смерти и то, что ей предшествовало. Совпадение описаний — часть этих обстоятельств. Сейчас я не стану обсуждать выводы.

— Простите. Я всё время пытаюсь…

Она не закончила. Серрано подождала, потом спросила о старых носителях. Мара объяснила, что не искала их ночью: не хотела открывать неизвестные диски в полусне, не знала, какие программы или устройства понадобятся. Дома у неё оставались две коробки бывшего рабочего архива, которые она забрала при закрытии монтажной студии. Плёнки Хелен там могло не быть. Она не помнила.

— Запишите, что именно у вас осталось, прежде чем решать, что оно означает, — сказала Серрано. — Свяжемся по поводу передачи.

Выйдя из здания, Мара обнаружила у машины Джо.

Та держала два бумажных стакана. На одном маркером было написано «М». Джо протянула его и спросила:

— Ты собираешься рассказать, почему вчера не уехала?

— Ты приехала, чтобы это спросить?

— Я приехала, потому что ты сегодня не должна сама ехать в студию и изображать обычный рабочий день.

— Я не собиралась.

— Прекрасно. Сядем?

Они устроились в машине Мары. Джо сняла крышку со своего стакана, чтобы кофе остывал. Её пальцы были испачканы синей краской — в выходные она перекрашивала кухню.

Мара рассказала о беседе Хелен. Не всё, что вспоминалось о лете, а конкретно: запись, просьба сократить, фраза, которую она оставила. Джо слушала без вмешательства. Когда Мара замолчала, спросила:

— Ты слышала исходник с тех пор?

— Нет.

— Подожди. Ты сейчас о чём: о записи или о том, что помнишь?

— О том, что помню.

— Ладно. Надо сначала найти.

Это не было утешением. Мара взяла стакан обеими руками.

— Мне показалось, если я сейчас уеду, то опять…

— Опять что?

— Не спрошу.

Джо посмотрела через ветровое стекло. По парковке шёл мужчина с маленьким мальчиком; мальчик нёс огромный бумажный конверт, держа его над головой как крышу.

— Ты могла спросить и сегодня, — сказала она.

Мара не стала возражать.

— Лин я перенесла ещё ночью, — сказала Джо. — Написала дочери. Она хотела оставить всё как есть, если ты не пострадала. Я сказала, что меняю время я.

Мара посмотрела на часы. В календаре встреча всё ещё стояла на прежнем месте. Она открыла её, увидела уведомление о начале, которое пропустила, пока отвечала Серрано.

— Спасибо.

— Мне нужен от тебя звонок самой миссис Лин. Дочь ей пока сказала, что мы не успели с фильмом. Я не хочу, чтобы женщина думала, будто плохо отвечала.

— Я позвоню.

— Не сейчас, если ты не можешь. Просто скажи, когда.

Мара коснулась большого пальца крышки стакана. На пластике остался полукруглый след от кофе.

— До обеда. Я уже могу.

Джо не сказала, что верит. Убрала из-под сиденья пустую бутылку, мешавшую поставить ноги, и положила в карман куртки.

— В четверг я спрашивала, будет ли это обычная работа.

— Я не знала, что произойдёт.

— Я тоже. Я спрашивала не об этом.

Из здания вышли двое, остановились возле машины впереди. Мара закрыла приоткрытое окно. Джо ничего не имела против: дождалась, пока стекло встанет на место.

— Ты сказала, что делала у них архив. Про правку ты могла сказать в четверг?

Мара кивнула.

— Тогда я бы не переносила на себя твои сроки молча. Мы бы сели и посмотрели, зачем тебе туда ехать и какую работу ты оставляешь мне. Может быть, пришли бы к тому же. Не знаю.

Мара представила их стол, мокрые кисти в пакете, открытую рабочую таблицу. Пока Джо мыла кисти, она выбирала, сколько правды о новом заказе нужно коллеге для обычного вечера. Пятнадцать минут спустя Джо забрала три её дела.

— Я не хотела, чтобы ты меня отговаривала.

— Я, возможно, не стала бы. Это тебе было заранее виднее.

Джо не повысила голоса. От этого Мара перестала искать ответ, который звучал бы достаточно виновато и позволил перейти к следующему делу.

— Файл Лин уже у тебя, — сказала она. — Сегодня я могу только позвонить. Больше ничего не обещаю.

— Ладно. Завтра утром решим остальное.

Когда Джо ушла, Мара не сразу смогла найти нужный номер. В телефоне было три Лин: дочь, мать и прежний контакт, подписанный только фамилией. Она открыла рабочую карточку и сверила цифры.

Миссис Лин ответила сама. На заднем плане кто-то застёгивал чемодан.

— Вы уже едете? Мы можем подождать.

— Сегодня не приеду. Простите, что не позвонила раньше. У меня случилось несчастье на другой работе. Я не могу сейчас смотреть фильм вместе с вами внимательно.

Женщина спросила, нужны ли ей деньги на дорогу. Мара не сразу поняла вопрос. Потом объяснила, что речь не о дороге и не о плате за фильм.

— Это из-за места, где я говорю про сестру? — спросила миссис Лин. — Дочь сказала, вы ещё думаете, оставить ли.

— Нет. Не из-за ваших ответов.

— Я могу заново. Мы так долго ждали света, а потом я уже устала.

— Вам не нужно заново. Посмотрите первый вариант. Потом поговорим о том, что вы хотите изменить.

На том конце что-то упало. Женщина отозвалась человеку рядом и снова вернулась к телефону.

— Она всё равно бы рассердилась, — сказала она. — Сестра. Что я забыла варенье.

Мара сидела, прижав стакан коленями. У женщины было ещё что сказать, и она слушала, пока та сама не вернулась к вопросу о новом времени. Они договорились, что Джо пришлёт варианты. Мара пообещала только быть на следующем просмотре и сразу написала коллеге, какие часы действительно свободны.

Лишь после отправки она заметила, что машина не заведена, а обогрев выключен. Кофе остыл. Она закрутила крышку, пролила немного на большой палец и вытерла руку салфеткой из дверного кармана.

Когда она убрала телефон, он снова завибрировал. На этот раз сообщение было от Тесс. Номер она получила через Марины рабочие формы.

«Вы всё ещё хотите знать, с чего начиналось письмо?»

Мара написала, что хочет, и сразу добавила: «Я передам материал следствию. Я не могу обещать хранить его только между нами».

Тесс ответила через минуту.

«Я не об этом вас прошу. Прочтите его сначала целиком».

Глава 9. Оригинал

Тесс жила над аптекой в доме с узкой наружной лестницей. На каждой второй ступени была прикручена полоска против скольжения. Остальные полоски, ещё в упаковке, лежали на площадке возле двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.